

U $\frac{70}{891}$

У 70
891

НЕ ПОЖИГОВАТЬ

СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ
ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ
ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ,

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ СОВРЕМЕННЫМЪ
И ПРЕДАНІЯМЪ,

ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКАГО.

И. Срезневскій

ХАРЬКОВЪ.

1846.

U 70
891

р 1-79
11350

12/18 43

**СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ
ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ
ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ,**

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ СОВРЕМЕННЫМЪ И ПРЕДАНІЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКАГО.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

ОБРАЗЦЫ И ОРИГИНАЛЫ

ВАРИАНТЫ ВОПРОСОВ

ВЕРСИИ СЛОВА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по определению 1-го Отделения Философского Факультета 17-го Октября
1846 года.

Деканъ, М. Протопоповъ.

31476-43

2007098069

ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ
АРТЕМОВСКОМУ-ГУЛАКУ

и

ВЯЧЕСЛАВУ ВЯЧЕСЛАВИЧУ

ГАНКЪ,

первымъ своимъ руководителямъ въ изученіи Славянскихъ древностей и нарѣчій,

посвящаетъ

Сочинитель.

ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ.

Языческая религія древнихъ Славянъ была основана на положительныхъ догматахъ, которыми опредѣлялись понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ природѣ и человѣку. Трудно разгадать эти догматы вполне, трудно представить ихъ себѣ въ такой связи, въ какой представлялъ ихъ тотъ, кто имъ вѣровалъ; потому что изучать ихъ мы должны — или изъ сказаній и повѣрствъ, которымъ и тяжело, и стыдно было стараться разгадывать ихъ смыслъ, — или изъ преданій народа, мало по малу отставившаго отъ понятій языческихъ, привычнаго бояться язычества, и смѣло удерживавшаго изъ него только то, въ чемъ онъ его не замѣчалъ. Впрочемъ и въ этихъ сказаніяхъ и преданіяхъ главные догматы выразились довольно ясно. Таковы догматы: о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи и надеждахъ. — Предположивъ ограничить это изслѣдованіе однимъ богослуженіемъ языческихъ Славянъ, я долженъ оставить въ сторонѣ подробный разборъ ихъ вѣрованій и мнѣній, съ ними соединенныхъ; могу коснуться вѣрованій только въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ соотношеніи съ богослуженіемъ.

Между языческими догматами древнихъ Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Не смотря на постепенное развитіе идолопоклонства и на долговременное бореііе Славянъ язычниковъ съ Христіанствомъ—бореніе, могшее содѣйствовать скорѣе усиленію тѣхъ догматовъ, которые были ему противны, нежели тѣхъ, которые могли пробуждать въ язычникахъ довѣренность къ истинѣ Христіанской, — единобожіе было создаваемо Славянами язычниками въ XII вѣкѣ, какъ было создаваемо ими въ VI вѣкѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилію принимавшимъ Христіанство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества. Древнѣйшее свидѣтельство о единобожіи Славянскомъ принадлежитъ Прокопію Кесарійскому: «Они исповѣдуютъ—говоритъ онъ—единого бога, производителя молніи, господа міра, и приносятъ ему въ жертву быковъ и другіе обѣты. Судьбы совсѣмъ не знаютъ, и не придаютъ ей ни какой власти надъ смертными; но, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщаютъ богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносятъ въ жертву обѣщанное, думая, что такой жертвой сохранили себѣ жизнь»¹. Спустя пять столѣтій послѣ Прокопія писалъ о единобожіи Славянскомъ Нѣмецкій летописецъ Гельмольдъ: «Между разнообразными божествами, во власти которыхъ Славяне считаютъ поля и лѣса, печали и наслажденія—писалъ онъ—Славяне отличаютъ единого бога на небесахъ, повелѣвающего другими, всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ»². Сравнивая оба сказанія, не можемъ не видѣть разницы довольно рѣзкой: въ очеркѣ Прокопія видимъ единого Бога, хоть и безъ яснаго тѣлеснаго образа, но существомъ близкимъ къ тѣлесной природѣ; въ очеркѣ Гельмольда онъ представляется, напротивъ того, господомъ неба, всемогущимъ и невидимымъ. И тамъ и здѣсь онъ выше судьбы; но тамъ онъ въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ человѣкомъ, его желаніями и мольбами, а тутъ онъ да-

¹ Прокопій, De bello Gothico. III, 14.

² Гельмольдъ, Chronicon Slavorum. I. 24.

лечь отъ людей, онъ поручилъ земную природу другимъ богамъ, ему покорнымъ, и вѣдаетъ самъ только небомъ. Тамъ онъ—богъ грома и молніи, Торъ; а здѣсь онъ—Альфадеръ. Такъ-ли различны были въ самомъ дѣлѣ понятія Славянъ о верховномъ богѣ? Такъ-ли могли Славяне идолопоклонники измѣнить свое понятіе о верховномъ богѣ? Едва-ли! Напротивъ, кажется, Проконій въ изображеніи верховнаго бога Славянскаго смѣшалъ два различныя понятія: понятіе о верховномъ Богѣ боговъ и понятіе о Перунѣ. Отдѣлите въ его сказаніи то, что принадлежитъ Перуну, и останутся черты, которыми изображалъ Гельмольдъ Бога боговъ: не Богу невидимому, а Перуну Славяне приносили жертвы и обѣты; не Его—господа міра, а Перуна считали производителемъ молніи. Что господь міра, Богъ боговъ, былъ почитаемъ Славянами отдѣльно отъ Перуна, на это имѣемъ доказательства и въ договорахъ Игоря и Святослава съ Греками: въ первомъ изъ нихъ два раза падается выраженіе: «отъ бога и (ш) отъ Перуна»; во второмъ читаемъ: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса»¹: тамъ отличенъ Богъ боговъ отъ Перуна, а здѣсь и отъ Перуна, и отъ Волоса. Впрочемъ какъ Проконій смѣшалъ Верховнаго Бога съ Перуномъ, такъ и Гельмольдъ смѣшалъ его со Святовидомъ: въ одномъ мѣстѣ онъ назвалъ Святoviда Богомъ боговъ (Deus deorum), въ другомъ прочихъ боговъ въ отношеніи къ Святовиду полубогами (quasi semidei)²; а между тѣмъ описывалъ Святoviда богомъ, который заботится не объ одномъ небесномъ, которому молились и приносили жертвы, отъ котораго ожидали предсказаній о будущемъ и помощи въ бѣдахъ, словомъ—точно такъ-же, какъ описывалъ Святoviда и Саксо грамматикъ³. Конечно, не вѣзя опустить изъ виду этого смѣшенія Бога боговъ съ Перуномъ и Святовидомъ, — смѣшенія, показывающаго, какъ высоко были, чтимы эти послѣдніе; тѣмъ не менѣе очевидно, что Богъ боговъ былъ обожаемъ и отдѣльно, и что понятіе Славянъ о немъ приближалось болѣе

¹ *Исторія по Лаврент. списку. Поли. Собр. Лт. I. Сиб. 1846. 23 и 31.*

² *Гельмольдъ. I, 52. II, 12.*

³ *Гельмольдъ. I, 6. и пр. Саксо грам. Historia Danica. XIV. (rec. P. Müller. et J. Welschow. Havn. 1839) 823, 826.*

къ понятію о Богѣ христіанъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ видѣли они господа міра, котораго воля править его судьбами, котораго промыслъ не допускалъ слѣдовательно никакой случайности, никакой слѣпой судьбы; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы; его называли Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ¹.

Другіе боги въ отношеніи къ нему были, какъ выражаются Лужичане, прибогами (přibohojo)²; они были его произведеніями, властями отъ него зависящими, посредниками между нимъ и міромъ, сильными его силой, и то не всѣ одинаково. Не мудрено, что Славянинъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природою, что въ своемъ воображеніи населялъ ими весь міръ — и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ³; богомъ вѣтровъ почитали Стрибога⁴; богомъ грома и молніи — Перуна⁵; обожая солнце⁶, бога солнца называли Волосомъ

¹ Коларъ, Národní Spiěwanky Slowakůw. Budin. 1834. 1. 422. Палковичъ, Böh. Wörterbuch. Presburg. 1821. II, 1711.

² Светлицъ, Vocabularium Latino-Serbicum. Budischin. 1721. (безъ означ. стр.) подъ слов: idolum и пр.

³ Смотр. I-ю главу, §§ I и II, также Касторскаго, Начертаніе Слав. Мивологій. СПб. 1841. 130-138, 178-182.

⁴ Несторъ, 34. Слово о Полку Игоръ. въ Рус. Достоп. II, 62 и 214. Юнгмана Slownik Čes. IV. 349. Снегиревъ, Русскіе въ пословицахъ М. 1831. IV. 12-16. Пословица Галицкая: «Витеръ-божій духъ» у Ильякевича, Галиц. Приповѣдки. Видень. 1841. 17.

⁵ Несторъ: 20, 23, 31, 34, 50. Слово Христолюбца у Востокова, Опис. Русей Румяниц. Муз. СПб. 1842. 228 и 229. Вацерадъ въ Словарь у Шафарика и Палацкаго, Denkmäler der Böh. Sprache. Prag. 1841. 220. Коларъ, ib. I, 67 и 407.

⁶ Восточ. сказанія объ этомъ у Шармуа, Relation de Masoudy etc. Mémoires de l'Ac. de SPB. VI-ème serie II. 319 и 326. Халкондила у Стри-

и Хорсомъ-Дажьбогомъ, Сварожичемъ и Радагастомъ, Свято-видомъ, Яровитомъ и пр.; обожали звѣзды¹, мѣсяць², вѣроятнo такъ-же, т. е. и какъ божества, и какъ жилища божествъ. Чувствуя силу природы, Славяннѣ всюду, гдѣ замѣчали ее, видѣли божество, и по ея дѣйствіямъ, были-ли они благодѣтельны для него или вредны, благословляли боговъ или страшились ихъ гнѣва. Такимъ обоготвореніемъ природы, ея стихій, частей и силъ, начали Славяне циклъ своего многобожія, и потомъ все болѣе умножали его мнѣями объ отдѣльныхъ богахъ, все болѣе примѣняли ихъ къ человѣку, къ его нуждамъ и ожиданіямъ, все болѣе увеличивали число боговъ и число ихъ качествъ и названій, — такъ что наконецъ верховный Богъ представлялся родоначальникомъ огромной сѣмьи боговъ, правящихъ всѣмъ поднебеснымъ. Это была настоящая сѣмья, въ которой члены связаны были узами кровнаго родства, сѣмья боговъ и богинь, родителей и дѣтей. — О богиняхъ Славянскихъ имѣемъ различныя свидѣтельства, начиная съ VI вѣка. О шимбахъ, обожаемыхъ Славянами, упоминаетъ Проконій³. У Масуди читаемъ, что противъ главнаго идола, находившагося въ одномъ изъ храмовъ Славянскихъ, стоялъ другой, изображавшій дѣву⁴. Ибнъ-Фоцлагъ упоминаетъ о женахъ и дочеряхъ Славянскаго бога⁵. Титмаръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей хроникѣ о богинѣ Лютичей, а въ другомъ объ изображеніяхъ богинь въ храмѣ Ретрскомъ⁶. О служеніи богинямъ читаемъ въ прибавленіи къ древнему переводу Григорія Назіанзина, въ словѣ Христолюбца,

тера, *Methodie populorum*. II. 1061. Слово *Кирилла* въ Москвитинѣхъ на 1844 годъ. I 243. *Кирилль Туровскій* въ Памятникахъ Словесности XII вѣка. М. 1822. 19. Особенное изслѣдованіе мое объ обожаніи Солнца древними Славянами помещено въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* за 1846 г. N. 7.

¹ *Весифнахъ у Шармуа*, ib. 326. Его слова подтверждаются народными преданіями и повѣрьюми.

² *Шафарикъ*, *Slow Starozitnosti*. Praha. 1837. 587. и пр.

³ *Проконій*. III, 14.

⁴ *Масуди*, ib. 340.

⁵ *Френъ*, *Jbn.-Fozzlans Berichte*. SPB. 1823. 9.

⁶ *Титмаръ*, *Chronicon*. VI. 17. VII. 47.

у Длугоша и пр.¹ До насъ дошло и нѣсколько названій богинь Славянскихъ: Гельмольдъ, Вацерадъ и Прокошь говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацераду еще были извѣстны: Дѣвана, Лѣтница, Лада, Лютица, Морана, Хлиша; Длугошу—Дѣдлѣя, Дѣвана, Маряна, и пр.² Древнѣйшее изъ сказаній о сѣмейномъ родствѣ боговъ Славянскихъ принадлежитъ Ибнъ-Фоцлану: изъ него узнаемъ, какъ было уже выше замѣчено, что Русскіе представляли одного изъ своихъ боговъ мужемъ и отцомъ. Сказаніе Гельмольда еще важнѣе: оно касается верховнаго Славянскаго Бога, и представляетъ его родоначальникомъ всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ—исполнителями порученныхъ имъ должностей, такъ что, происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе чѣмъ были ближе родствомъ къ всемогущему Богу боговъ³. Въ допущеніе къ этому не лзя не вспомнить и отдѣльныхъ мнѣній о родствѣ боговъ. Къ сожалѣнію отъ современниковъ осталось ихъ намъ очень немного: у Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перуна и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Страцца—сыномъ Сыгиврата⁴; въ Словѣ о Полку Игоревомъ представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ—дѣдомъ пѣвца Болна, Дажьбогъ—дѣдомъ Владиміра⁵; въ Ипатьевской лѣтописи тотъ-же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога⁶; изъ другихъ источниковъ узнаемъ о Сварожичѣ, самое имя котораго, по своему образованію, намекаетъ о его происхожденіи отъ Сварога⁷. Вотъ почти все, что знаемъ о родствѣ Славянскихъ боговъ: мало этого для мнѣ-

¹ *Длугошь*, Historia. V. 9. Переводъ Григорія Назіанзина у Кеннеа, Библ. Лвѣты 1825. N 7. 88. Слово Христороубца. ib. 228.

² *Гельмольдъ*. I, 52. *Вацерадъ*. ib. 211, 213, 215, 216, 217, 231. *Прокошь*, Chronicon Slavo Sarm. Warsz. 1827. 113. Мнѣніе о немъ Гримма, Deutsche Mythologie (2-е А.) Gött. 1844. 643.

³ *Гельмольдъ*. I, 83.

⁴ *Вацерадъ*, ib. 211, 223, 225.

⁵ *Слово о Полку Игоревомъ*. ib. 28, 62, 78, 92.

⁶ *Ипатьев. Лѣт.* въ Полномъ собр. Рус. лѣтописей. СПб. 1843. II. 5.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17. Письмо св. Бруна къ Генриху II. (*Pertz*, Monumenta Germaniae. Hanover. 1829. V. 812.) Слово Христороубца. ib. 228. Срав. Casopis ces. Mus. 1844. 486.

лога; но достаточно для убѣжденія, что вѣрованіе въ сѣмейную связь божествъ у Славянъ существовало, и было распространено между ними. Оно соединилось съ вѣрованіемъ въ безусловное могущество божественной природы. }

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, на небѣ и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что и жизнь его, и все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благодати божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію Славянъ, жизнью каждаго человѣка. Жизнь считали они богиней жизни¹, а Сыгиврата—богомъ времени². Кромѣ того они вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ «роженницами», и рассказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженницу, которая предсказываетъ ему судьбу его³. Русскіе вѣрили также въ эти существа, какъ узнаемъ изъ Слова Христолюбца: «молятся и роду и рожаницамъ... беззаконная трапеза мѣнимая роду и рожаницамъ⁴.» Родомъ называется въ нѣкоторыхъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ Словѣ Даниіла Заточника, духъ или привидѣніе⁵, а словомъ «роженница» переводится иногда, по замѣчанію Прейса, Греческое слово *τύχη*. Выраженіе «ша роду написано» напоминаетъ Хорватское преданіе о книгѣ «Рожденикъ», по которой всякій можетъ узнать свою судьбу. Въ извѣстіи «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ» есть описаніе подобной книги подъ названіемъ Шестодневца: «безумнѣи/людіе вѣрующе и волх-

¹ Прокошъ. 113. *Длугошъ*. V. 9.

² *Масуди*, ib. 320. *Видукиндъ*, *Res gestae Saxoniarum*. III. 68. *Вацерадъ*, ib. 224.

³ *С. Вразъ*, *Glasi iz dubrave Žeravinske*. Zagreb. 1841. 118-119.

⁴ *Слово Христолюбца*, ib. 229.

⁵ Слово Даниіла Заточ. въ Памятникахъ Слов. XII в. 237: «Дѣти бѣгають рода.»

вуютъ, и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе, и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и вазней, въ службахъ и въ кушляхъ и въ ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, и призываютъ бѣсовъ на помощь». У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Такъ Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь», или, какъ выражались Боянъ и Данилъ Заточникъ: «ни хитру, ни горазду суда божіи не минути»; Сербы говорятъ: «испред божје волје никуд никамо, од суѣнја се не може утеѣи, и т. д.»¹ Нуждавшійся въ помощи боговъ обращался къ нимъ какъ къ своимъ спасителямъ: этимъ именемъ называются боги въ пѣсняхъ Краледворской рукописи². Подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ считались сироты и всѣ бѣдные. Такъ Малоруссы говорятъ: «за сиротою Богъ съ каштою»; а у Сербовъ сохранилась пословица: «да није сиротинје не би ни сунце гријало». То-же понятіе живо и у Хорутанъ, которые въ одной пѣснѣ заставляютъ такъ говорить солнце: «jas ra ne man čakati, man w'liko obsjewati, vse dolince ino chriberge, tudi vse moje s'rotice»³. Тутъ-же можно вспомнить и то, что нищихъ и бѣдныхъ у Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ называютъ—убогими, у Сербовъ—божьяками, у Хорутанъ—богцами, и пр. Вотъ почему и часть жертвоприношеній принадлежала бѣднымъ; вотъ почему и вообще старались помогать бѣднымъ, такъ что современники встрѣчали у Славянъ мало нищихъ⁴.

Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными

¹ *Калайдовича*, Иоаннъ Экз. Болг. М. 1824. 212.

² *Слово о Полку Игор.* ib. 202. *Слово Данила Заточ.* ib. 231 *В. С. Караджичъ*, Српске пословице. Цетинь. 1836. 106, 244.

³ *Краледвор. рпс.* (4-е изд. Прага.) IV. 145, 158. VI. 136.

⁴ *В. С. Караджичъ*, ib. 54. Пѣсня Хорутанская записана мною въ Зильской долине въ Каринтін. О ней *Ярникъ*, Versuch e. Etymologikons der Sloven. Mundart. Klagenfurt. 1832. 202.

⁵ *Пбви-Фоццано у Френа*, ib. 9 *Гельмолюде*. II, 12. *Сесфриде*. Vita S. Ottonis. 54. (Acta Sanctorum. Jul. 1).

знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждатель—ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у всѣхъ Славянъ и въ свое время было замѣчено современниками. Ограничусь указаніями, болѣе другихъ любопытными. Изъ словъ Масуди можемъ догадываться, что въ храмахъ Славянскихъ искали и находили предзнаменованія въ солнцѣ. «Знаменье бо—говоритъ летописецъ—небеси или звѣздахъ, или въ солнци, или птицами, или естеромъ чимъ не благо бываютъ: ли проявленіе рати, ли гладъ, ли смерть проявляютъ»¹. У Руянъ каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее². У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣщатель страшной войны, онъ выходилъ изъ моря, огромный, съ блестящими клыками, покрытый пѣною, и съ ужаснымъ ревомъ валялся по тигѣ³. «Онъ кобені пѣтичь смотритъ, онъ стрѣтенна съмнитъся» — говоритъ переводчикъ Григорія Назіанзина⁴. «Вѣруемъ — говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ — въ поткы и въ датля, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хожемъ понти, которая переди поиграеть, то станемъ послушающе, правая или лѣвая; ли да ще ны поиграеть по нашей мыслѣ, тѣ мы къ собѣ глаголемъ, добро ны потка си, добро ны кажетъ, ркуще окалцин, чи не богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли что ны на пути зло створитъся, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣва ны потка си долаше понти, а мы ся не послушахомъ. Аще ны гдѣ будетъ понти, то мы течемъ къ волхвомъ; то вѣруемъ чеху и устрицо; а коли ны будетъ понти на долгій онъ путь, мы слушаемъ поткѣ»⁵.

¹ Масуди, ib. 319.

² Несторъ. 71.

³ Саксо грамматикъ. 827.

⁴ Титмаръ; VI, 17. О знаменьяхъ озера Глозамскаго I. 3.

⁵ Переводъ Григорія Наз. ib. 89.

⁶ Слово Кирилла, ib. 242-243.

«Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ Несторъ—аще усрѣсти вѣрующе: аще бо кто усрѣщеть черноризца, то възвращается, ли единиць, ли свинью; то не поганьски ли есть? Се бо по дьяволу наученью кобѣ сію держать. Друзиѣ же и закыханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ. И у Кирилла Туровскаго читаемъ: «Вѣрують въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ птичій грай», и пр.¹. Значеніе знаменій отчасти было всѣмъ извѣстно, отчасти было разгадываемо знахарями. О нихъ написано въ Стоглавѣ: «Волхвы и чародѣйники и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ (планидамъ) глядають, и смотрять дней и часовъ».—Значенія многихъ знаменій были записаны въ особенныхъ книгахъ, напр. въ Волховникѣ, Путникѣ, Громовникѣ и пр.². Очень понятно, что книги эти составлены въ послѣдствіи; но и составлены онѣ могли быть только въ слѣдствіе вѣры въ знаменія, — вѣры, которая, породивши такія книги, еще прежде породила богослужебный обрядъ гаданій.

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Такъ урожай полей, по его вѣрованію, зависѣли отъ богини жизни Живы³ и отъ бога свѣта и солнца Святoviда. Въ честь послѣдняго, по окончаніи жатвы, совершалось празднество, во время котораго гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, испрашивая у него помощи. У Гаволянъ мѣсто Святoviда занималъ Яровитъ: «я богъ твой—говорилъ жрецъ именемъ своего бога, —я покрываю травой поля и листьями лѣса, я оплодотворяю нивы и деревья»⁴. У Славянъ Хорутанскихъ и до сихъ поръ божествомъ сѣющимъ изображается солнце, какъ это видно въ пѣснѣ, выше приведенной, —

¹ Несторъ. 73.

² Кириллъ Туровскій, ib. 19. Уставъ Владиміра въ Дополненіяхъ къ Историч. Актамъ. Сиб. 1846. N. 1.

³ Калаидовича, Юзвигъ Эпз. 211-213. С. Стресса, Описаніе памятникoвъ Слав. руск. литературы. М. 1841. 125.

⁴ Вацерадь, ib. 217.

⁵ Сефридь. 129.

и годовое празднество въ честь этого божества, Коляда, какъ начало года, было для всѣхъ Славянъ временемъ гаданій о будущемъ, а равно и молитвъ и пожеланій о дарованіи благъ земныхъ¹. Подобно земледѣлію и скотоводство было подъ покровительствомъ божества: въ договорѣ Святослава съ Греками и у Вацерада Велесъ изображается богомъ стадъ и пастуховъ. Яровить заступала мѣсто Велеса у Гаволянъ². Божество покровительствовало и торговлѣ, какъ можемъ судить по моленіямъ Русскихъ купцевъ передъ идолами, и по дани, платимой Святовиду купцами³. Славянинъ не могъ ожидать успѣха безъ помощи боговъ и въ дѣлѣ ратномъ, въ войнахъ съ врагами. Пѣсни Краледворской рукописи восхваляютъ, какъ помогли боги Воймиру и Честмиру противъ Власлава а Забою противъ Людека, и говорятъ, что «bozi nam uicestuiе daiu». Тамъ-же, какъ богъ, помогающій побѣдѣ, поминается Трясъ⁴. Титмаръ описываетъ какъ бога побѣдъ, Сварожича; Адамъ Бременскій—Радагаста; Гельмольдъ, Саксо грамматикъ и Вацерадъ богомъ побѣдъ называютъ Святовиду, который, какъ Сварожичъ, имѣлъ побѣдныя знамена и колы, на которомъ онъ ѣздилъ на враговъ. Богомъ-же побѣдъ называютъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго Яровита, а Саксо грамматикъ Руевита. Книтлинга-сага знаетъ его подъ именемъ Черноглава, а Длугошь подъ именемъ Лиды⁵. Изъ договоровъ съ Греками Игоря и Святослава видно, что богами побѣды у Русскихъ почитались Перуиъ и Волосъ: обѣщала Грекамъ держать съ ними миръ, они клялись, что если не сдержатъ слова, то «да не имутъ помощи ни отъ Перуна, ни отъ Волоса»⁶.—Все зависѣло

¹ Смотри. Колядныя пѣсни у Паули (Piesni ludu Rus. Lwow. 1839. I. 10, 16.—Piesni ludu Pol. Lwow. 1840. 9-10), Колара (Zpiewanky, I. 409), Корытки (Pesme Krajin. poroda. Lublana. 1839. I. 19) и пр.

² Несторъ, 31. Вацерадъ, ib. 229. Сефридъ. 128.

³ Ибнъ-Флоцманъ, ib. 7-9. Гельмольдъ I, б. II, 52.

⁴ Краледвор. рпсѣ. IV, 204. VI, 140, 181.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем: Histor. Eccl. IV. 12. Гельмольдъ. II, 12. Саксо грам. 826, 830, 842. Сефридъ, 134. Эббо, 71. Книтлинга Сага, 122 (Historia pirat jomens. Hafn. 1842. 350) Вацерадъ, ib. 226. Длугошь. V. 9.

⁶ Несторъ, 20, 31.

отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастье, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія, подобныи мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр.¹.

Все зависѣло отъ боговъ, — и сознаніе ихъ могущества дѣлало человѣка рабомъ ихъ воли, предоставляя на его волю только стараніе познавать и исполнять ихъ требованія. Онъ силится познавать и исполнять ихъ; но онѣ были слишкомъ сильны для него, — и онъ иногда упалъ передъ ними, упалъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе чувствовалъ свое безсиліе. Не мудрено, что божество могло иногда представляться Славянамъ страшнымъ и гнѣвнымъ, — что они считали долгомъ вымаливать у своихъ боговъ помилованія, молитвой и жертвой освобождать себя отъ ихъ гнѣва и ярости. «Прошу тебя — говорилъ Князь Владиміръ Олаву — почитать боговъ и укрощать себя передъ ними покорностію; опасаясь что они прольютъ на тебя ужасъ своего бурнаго гнѣва и жестокости». И Олавъ отвѣчалъ: «Не боюсь твоихъ боговъ. Я кажется могу ихъ понять изъ того, что твое Конунгское величество и твое лице, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣдишь въ кашнице, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и отсюда я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою»².

Руководствуясь чувствомъ страха къ богамъ, Славянинъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считалъ не только гнѣвными, но и злыми, — и признавая бога свѣта, онъ признавалъ и бога тьмы. О богѣ добра и богѣ зла, какъ отдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: «отъ одного ожидали Славяне счастья, отъ другаго бѣдствій, — и послѣдняго называли Черпобогомъ, а пер-

¹ Гельмольдъ, I, 83. Справ I, 52. Эббо. 65. Андрей, Vita S. Ottonis III. 16. Ипатъев. Лвт. 5. Книглинга-Сага, 122 (ib. 349-350). Саксо грам. 844.

² Титмаръ. VI, 17. Кралсда. рпсь. IV, 46.

³ Сага Олава Тригвессона. VI. (Рус. Истор. Сборникъ. IV. 47).

ваго, вѣроятно, Бѣлбогомъ¹. Кое что подобное встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ отечественныхъ; такъ въ одной волхвы говорятъ: «два суть божи, единъ небесный, другій во адѣ»². Люнебургскіе Славяне до недавняго времени называли Чернобогомъ дьявола³. Въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близъ Будшина, есть гора—Чернобогъ, и подлѣ нея другая Бѣлбогъ: у окрестныхъ жителей сохранилось о нихъ преданіе, какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія⁴. . . . Трудно опредѣлить какое именно мѣсто занималъ богъ зла въ мифологіи Славянской; ясно впрочемъ, что онъ былъ почитаемъ властителемъ ада и противникомъ бога добра: это подтверждается и сравненіемъ мифологіи Славянской съ мифологіями другихъ Сѣверныхъ народовъ, и народными преданіями всѣхъ Славянъ, едва ли могшими образоваться уже въ слѣдствіе распространенія христіанства, преданіями, въ которыхъ всюду одинаково, одними и тѣми-же страшными чертами рисуются злые духи въ противоположность добрымъ⁵. Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ христіанства; это—общее измѣненіе понятій о божествахъ языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противоположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода чело-

¹ *Гельмольдъ*. I, 52. Malum deum sua lingua Diabol sive Zerneboch, id est nigrum deum, appellant, bonum que Belboch (последнія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ).

² *Густин. Лѣт.* въ Полн. Собр. Лѣт. II. 273.

³ *Геншинга*, Рисный Словарь Люнебур. нарѣчія подлѣ слов. Schwarz и Teufel.

⁴ *А. Штуръ*, Cesta do Luzic. Časop. Čes. Mus. 1839. 476-477. *К. Прейскеръ*, Blicke in die vaterländische Vorzeit. Leipzig. 1841. I. 186. и слѣд. Урочище *Бѣлые боги* (лѣсъ и лугъ) находится у большой дороги отъ Москвы къ Троицъ, не доходя 15-ти верствъ, близъ села Городка.

⁵ Edda Saemundar hins fróða III. Hafn. 1828. 496 и слѣд. *Нарбутъ*, Dzieje narodu Litewskiego. Wilno. 1835. I. 26-29. Ср. *Гримма*, Deut. Myth. 952-954 и слѣд.

вѣческаго. Какъ бы то ни было широчемъ, во время язычества, хотя вѣрованіе въ злое начало и существовало у Славянъ и пугало, какъ пугаль и гнѣвъ боговъ добрыхъ, однако надежда на благость божества преобладала надъ всѣмъ, и укрѣпляла поклонниковъ въ ревности исполнять законы и обряды своей вѣры.

Чувство это въ Славянскѣхъ язычакѣхъ было тѣмъ сильнѣе, что онъ вѣрилъ въ свою зависимость отъ воли боговъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не только въ этой жизни, но и за могилой: онъ вѣрилъ въ безсмертіе души, вѣрилъ, что по смерти ждутъ его или блаженства рай, или кара за неисполненіе воли божествъ. — О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства — и въ свидѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Къ числу свидѣтельствъ современниковъ относятся пѣсни Краледворской рукошени, воспѣвающія событія языческаго времени: въ нихъ не одинъ разъ упоминается, какъ отдѣляется душа отъ тѣла, и остается до тѣхъ поръ подлѣ, пока не совершится погребальный обрядъ. Такъ Влаславъ, пораженный Честмиромъ «wstati ne mozes; Morena iei sipase w nos czrnu; kipiese krew ze silna Vlaslawa, po zelene trawie w siru zemiu tecie; ai a wiide dusa z rswucei hubi, wilecie na druo, a po druech siemo—tamo doniz mrtew ne zzen». Такъ пагъ и Людекъ, пораженный Забоємъ: «letie mlal, roskosi sie scit, za scitem sie roskocista Ludiekowa prsi; i ulecie sie duse tiezka mlata, i mlal i dusu uirazi». И послѣ побѣды «tamo i uiele dus tieka siemo tamo po drsieuech, i ich boie sie ptactuo i plachi zuiers, iedno soui ne boie sie». Такъ и юноша-воинъ былъ пораженъ лютымъ врагомъ: «zewzniechu mutno zalostiui lesi; wirazi z iunose dusu dusicu; sie uiletie pieknim tablim hrdlem, z hrdla krasnima rtoma»¹. Въ паралель съ этими выраженіями можно поставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревомъ: «единъ-же взрони жемчожну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожереље»². Не менѣе важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1240 года: въ

¹ *Краледа. рнс.* IV, 218-224, VI, 161-164, 229-232. X, 17-20.

² *Слово о полку Игор.* ib. 180.

ней сказано, что жрецы Поморья утвердили народъ, будто они видятъ, какъ душа честнаго человѣка съ дружиной переходитъ къ другой жизни въ небо¹. У Адама Бременскаго, въ описаніи храма Ретрскаго, находимъ также выраженіе, намекающее на вѣрованіе Славянъ въ безсмертіе души: «городъ—говоритъ онъ—имѣетъ девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ озеромъ; деревянный мостъ служитъ для перехода, дозволеннаго только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву или отгадывать волю боговъ, и это есть знаменіе что Стиксъ пролившился девять разъ, смиряетъ погибшія души язычниковъ»². Понятіе о безсмертіи душъ замѣчено и Длугошемъ, который говоритъ, что язычники Поляки молили Нию, чтобы онъ ихъ отвелъ по смерти въ лучшій мѣста ада³. Есть и другія свидѣтельства, касающіяся какъ увидимъ, самаго состоянія души по смерти тѣла.—Изъ древнихъ обычаевъ Славянъ, доказывающихъ, что они имѣли понятіе о безсмертной душѣ, вспомнимъ два:—Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребеніе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ вѣрованіе, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселье шры: ихъ бы не могло быть, если-бы оставшимся въ живыхъ не оставалось надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни⁴.—Въ числѣ доказательствъ, тутъ приводимыхъ, нельзя забыть и того, что въ народныхъ преданіяхъ Славянъ сохранилось много, вовсе не христіанскихъ вѣрованій о явленіи душъ и мертвецовъ, о томъ, что кровь убійцы успокаиваетъ тѣнь убиеннаго, объ отдѣленіи души отъ тѣла у зна-

¹ Мацневскій, *Pamiętniki Słowian*. SPB. 1839. II. 107.

² Адамъ Брем. *Historia Eccles.* IV. 11. 65.

³ Длугошь. V, 9.

⁴ *Исторія*. 6. *Краледвор. рцсь*. IV, 224. *Магрикій*, *Strategicon*. XI, 5. (*Шафарикъ*, *Slow. Star.* 969). *Левъ Діаконъ*, *Historia*. IX, 6. *Винфридъ Бонифаций* въ письмѣ 72 (*Шафарикъ*, *ib.* 843). *Титмаръ*. VIII, 2. *Алберрихъ*, I, подъ г. 751. *Масуди*, *ib.* 314, 317. *Димсика*, *ib.* 353. *Пбнъ-Поцланъ*. *ib.* 11-21.

харей и вѣдѣтъ, о превращеніяхъ, ими на себя принимаемыхъ и т. п.

Съ понятіемъ о безсмертіи души не различно было для Славянъ понятіе о будущей жизни. Вѣрованіе Славянъ въ рай было замѣчено уже Арабами X вѣка. Масуди, говоря о томъ, что жены Славянскія лишаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаетъ, что онѣ съ охотою бросаются на костеръ, надѣясь чрезъ это войти въ рай¹. Ибнъ-Фоцланъ, рассказывая обрядъ погребенія, приводитъ слова дѣвушки, обречшей себя на смерть. «Вонъ, я вижу—говоритъ она въ восторгѣ, приготовляясь къ смерти,—я вижу моего отца и мать мою; вонъ сидятъ все мои умершіе родные; вонъ и мой господинъ,—онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подгѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, ведите меня къ нему». Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фоцланъ приводитъ слова Русскаго, объясняющаго свои погребальныя обряды: «Мы сожигаемъ—говорилъ этотъ Русскій—нашихъ мертвыхъ такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай². По вѣрованію Славянъ, рай былъ не для всѣхъ одинаково доступенъ; женщина вступала въ него, только посредствомъ мужчины; и это вѣрованіе было такъ сильно, что если умершій былъ холостъ, то его женили—говоритъ Масуди—послѣ смерти, и жены его сѣвши обречь себя на сожженіе, лишь бы войти въ рай со своими душами³. То-же понятіе о недоступности рая должно было оправдывать и сожженіе рабовъ и приближенныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ умершими князьями, какъ узнаемъ изъ Димешки⁴. Съ вѣрованіемъ въ недоступность рая, Славяне соединяли вѣрованіе въ наслажденія, ожидавшія въ немъ тѣхъ, которые были достойны въ него переселиться. Они воображали себѣ его чудеснымъ садомъ, какъ видно изъ самаго значенія⁵

¹ Масуди. ib. 317.

² Ибнъ-Фоцланъ. 17-21.

³ Масуди. ib. 317.

⁴ Димешки, ib. 353.

⁵ Юнгманъ, Słownik. III. 786. Ланде, Słownik języka Pol. III. 16-17. Шимкевичъ, Корнесловъ Рус. языка. СПб. 1843. II. 37.

этого слова, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ разсказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю, жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ¹. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни адѣишей, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и та-же участь,—что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишения и страдать, если того заслуживали своею неправотою. Ихъ страшило между прочимъ рабство на томъ свѣтѣ: такъ послы Игоря, присягая не нарушать мира съ Греками, клялись, что «да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій», если измѣнятъ слову; такъ Русскіе, по словамъ Льва Діакона Калойскаго, никогда не славались непріятелемъ, но воззал мечъ подъ сердце, сами себя убивали, будучи увѣрены, что убитые въ сраженіи, по смерти своей, или по разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ². Подобныхъ наказаній на томъ свѣтѣ не могли не бояться Славяне и за многое другое, и кромѣ такихъ наказаній боялись въ будущемъ и другихъ бѣдъ. Они боялись мукъ въ неугасаемомъ огнѣ «пекла», вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самимъ словомъ, принадлежитъ до сихъ поръ большей части Славянъ³. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливыхъ. Понятіе о подземномъ царствѣ огня сохранилось до сихъ поръ: Хорутане разсказываютъ о провальяхъ между горами, туда ведущихъ; Словаки мѣстомъ входа въ пекло назначаютъ пропасти горы Ситна, и злаго духа называютъ духомъ пропасти, пропастиникомъ, пре-

¹ Преданія о раѣ сохранились въ сказкахъ. Смотр. Журн. Минис. Нар. Просв. 1846. № 7: тамъ, въ статьѣ объ обожаніи Солнца, отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ преданій.

² *Исторія* 20. По другимъ спискамъ: «въ сій вѣкъ и въ будущій». *Левъ Діаконъ*. IX, 8.

³ У восточныхъ и стверозападныхъ Славянъ—пекло (peklo, pieklo, pjeuko); у югозападныхъ—пакао (пако, паку, и т. д.); у Литовцевъ—pekla, у Мадьяръ—rokol.

падникомъ; о пропастьях ада говорятъ и преданія Чеховъ, Поляковъ, Лужичангъ. . . Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянина язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощенье за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія: она оживлялась мыслию о благодати боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ сожженія тѣла и обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Одинъ изъ символовъ очищенія, въ постройкѣ храма, окруженнаго водою, отмѣченъ, какъ мы видѣли, у Адама Бременскаго; объ очищеніяхъ водою говорятъ и уцѣлѣвшіе обряды, принадлежащіе къ праздникамъ Весны, Купалы и пр. Къ нимъ-же относятся и обряды потопленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ вспоминаетъ Левъ Діаконовъ, разсказывая объ обрядѣ погребенія убитыхъ въ сраженіи, когда грѣхи мертвыхъ очищались смертію живыхъ существъ. То-же самое вольное и невольное участіе живыхъ существъ и въ очищеніи человѣка огнемъ видимъ въ погребальномъ обрядѣ сожженія, въ скаканіи черезъ огонь, и т. д. Къ нему принадлежало и очищеніе кровію, закланіемъ. Понятіе объ очищеніи грѣховъ смертію живыхъ существъ сдѣлалось источникомъ жертвъ смертныхъ,

• *Поларъ*, ib. I, 18, 429. *Его же*, *Wyklad ku Slawy dcefe. Pešt.* 1832. 403. *Юнгманъ*, ib. III. 682. *Линде*, ib. II 1120-1121. и пр.

Слѣдуетъ ли съ понятіемъ о неслѣ или отдельно, Славяне боялись, кажется, и совершеннаго уничтоженія бытія по смерти: это вѣрованіе уцѣлело еще въ народномъ суевѣрїи. Такъ между Русскими заклинаніями есть: «исчезни!» или: «сгинь ты, пропади!» У Сербовъ есть подобное заклинаніе: «не стало те вѣти душе твоје!» У нихъ же поговорка: «изгниуо као невѣрац!» У всѣхъ Славянъ есть сравненія смерти злодѣевъ со смертію животныхъ. У всѣхъ-же Славянъ есть заклинанія, что бы Богъ наказалъ неправого смертію: «Богъ меня убей, бій ты сила божа, неччѣ тиc рап бѣгъ забїе, зобу мїе боћ забїи, да ме богъ убїе, правого боже» и пр.; подл смертію, въ смыслѣ языческомъ, разумѣлось тутъ, конечно, совершенное уничтоженіе. Сюда же принадлежит и свидѣтельство Титмара (I, 7.) что по вѣрованію Славянъ временная смерть можетъ означивать все.

столь обычныхъ, какъ увидимъ, въ богослуженіи Славянскомъ, источникомъ не единственнымъ, но могшимъ сдѣлаться въ свое время главнымъ и довести наконецъ язычниковъ Славянъ до принесенія въ жертву людей. Трудно понять смыслъ этой языческой тайны очищенія; но нельзя и сомнѣваться, что въ нее вѣрили Славяне, и считали ее одною изъ самыхъ важныхъ тайнъ богослуженія.

Таковы были главные догматы язычества Славянскаго вообще и особенно въ отношеніи къ богослуженію. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію самаго богослуженія.—Поклоненіе богамъ земнымъ и небеснымъ требовало святилицъ, и въ той, мѣрѣ какъ различны были боги, различны должны были быть и самыя святилица. Поклоненіе богамъ состояло въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: ими надѣялся Славянинъ умилоствити боговъ, освятить и очистить себя отъ грѣховъ и познать ихъ волю. Обряды богослуженія были многообразны, и, опираясь на вѣрованія въ благость боговъ вели за собою веселья ширшества.—Въ первой изъ двухъ слѣдующихъ главъ мы разсмотримъ святилица, а въ другой обряды богослуженія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Святилища богослуженія.

I.

МѢСТА ПОКЛОНЕНІЯ СТИХІЙНЫМЪ БОЖЕСТВАМЪ ВОДЫ И ОГНЯ.

Отличая въ сонмѣ божествъ боговъ земныхъ отъ боговъ небесныхъ, Славяне поклонялись тѣмъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ: богамъ земнымъ поклонялись всюду, гдѣ сознавали ихъ присутствіе, гдѣ, по народному вѣрованію, эти боги обитали, гдѣ выказывали свою божественную силу; богамъ небеснымъ поклонялись въ особенныхъ храмахъ, передъ идолами, священными для поклонниковъ по вѣрованію, что въ нихъ живетъ божественный духъ. Правда, что у иныхъ Славянъ простые жертвенники, подъ открытымъ небомъ или подъ сѣнью вѣтвей, заступали мѣсто храмовъ, и должны были заступать ихъ мѣсто у всѣхъ Славянъ, пока не распространилось умѣнье строить храмы; но правда и то, что нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы въ храмахъ поклонялись божествамъ земнымъ.

Обозрѣвая святилища Славянскихъ боговъ, прежде всего надобно обратить вниманіе на мѣста поклоненія божествамъ воды и огня.

Воду почитали Славяне стихіей, изъ которой образовался міръ, и земля, но ихъ понятію, вышла изъ моря: это видно изъ пре-

даній, сохранившихся у разныхъ Славянъ до нашего времени. Такъ Малоруссы Галиціе въ одной изъ своихъ колядокъ поютъ: «Коли было зъ нащада свѣта, втоді не было неба нѣ земли, неба нѣ земли, земь сине море». Замѣчательнѣе пришѣвъ къ этой пѣснѣ— «Подуй—же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли!»!, напоминающій сказаніе Малоруссовъ восточныхъ, что земля вышла изъ воды по дыханію святаго Духа¹. Такъ Хорутане, давая морю имя «света вода», рассказываютъ, что когда земля, по волю Божию, выходила изъ морской бездны, въ которой до тѣхъ поръ погружены были солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами, и молнія и вѣтры, то первая показалась изъ подъ воды гора Триглавъ, а потому—то съ ея вершины и видны всѣ моря земли. У Словаковъ есть то-же подобное преданіе, примѣненное къ Татрамъ, и повѣрье, что духъ Божій до сихъ поръ живетъ въ водахъ, омывающихъ землю, что всѣ онѣ соединены между собою, и что тогда будетъ разрушеніе міра, когда это прекратится, когда духъ Божій оставитъ воду. Въ заговорахъ у нихъ, какъ и въ заговорахъ Великорусскихъ, повторяется море какъ что-то священное; а ключи и озера, почитаемыя священными, можно найти въ каждой изъ земель Славянскихъ. Суевѣріе народа населяетъ воды существами чуждыми, язычески божественными, морянами, водянами, водяными мужами и женами, русалками, дунавками и пр.² Нельзя не считать всего этого остаткомъ отъ языческой старины, какъ подтверждаютъ и свидѣтельства того времени. Къ числу древнихъ Славянскихъ обычаевъ, находящихся въ соотношеніи съ поклоненіемъ водѣ, должно причислить и такъ называемый судъ Божій водою. Сказанія о немъ сохранились во многихъ юридическихъ и историческихъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, въ Польскихъ грамотахъ времени Болеслава Студиваго и другихъ, въ Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ Чешской лѣтописи Козьмы Пражскаго, въ грамотѣ Конрада Брѣненскаго, въ Рядѣ земли Чешской, въ Правѣ земли Чешской, въ

¹ Баррецаго, Собраніе колядокъ. № 1. К. Семитовскаго, Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіянъ. СПб. 1843. 56.

² Срав. Шафарика статью въ Čas. Čes. 1833. 257 и слѣд.

книгахъ Оомы Штитнаго, въ Законникѣ Сербскомъ Стефана Душана и т. д.¹ — Съ вѣрованіемъ въ божественность воды и водъ соединялось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ, какъ въ присутствіи божества, должно совершать богослужебныя обряды. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ богослуженіи читаемъ у Прокопія: «Славяне — шипеть онъ — обожаютъ рѣки, нимфы и вѣкоторыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ»². Въ свидѣтельствѣ позднѣйшимъ, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, вѣроятно о тѣхъ-же Славявахъ, къ которымъ принадлежали описанныя Прокопіемъ, находимъ: «Овъ рѣкъ богыня нарицаеть и звѣрь живащъ въ неи яко Бога нарицаа трѣба творить»³. У Болгаръ есть обычай, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку вѣнокъ, сплетенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Подобный обычай существуетъ и у Хорватовъ, какъ свидѣтельствуется между прочимъ народная пѣсня⁴. У Болгаръ есть также обычай, исполняемый то-же дѣвушками, въ день Ивановъ утромъ до зари, бросать въ рѣку такъ называемую «машлатку» — чучело, сплетенное изъ вѣтвей⁵. О богослуженіи при водахъ у Русскихъ упоминаетъ Левъ Діаконъ: воины Святослава — шипеть онъ — погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ⁶. Несторъ говоритъ, что Русскіе «кладяземъ и езерамъ жертву приношаху», — а Лѣтописъ Новгородская, что наши «погани жряху идоломъ въ колодязѣхъ»;

¹ Рус. Правда въ Рус. Достоп. II. 17. Писма о судѣ Любуши въ Denkmäler der Böh. Spr. 41, 63. Козьма Праж. I. 110-111. R'ad země České. § 68. въ Archivé Čes. Palaцкаго II. 113. Prawo Země České § 150. 155. у Кухарскаго въ Давн. пам. Слов. заковод. Варш. 1836. 257. Законникъ Стефана Душана. §. 78. у Кухарскаго. 124, 221. и пр.

² Прокопій III. 14

³ Переводъ Григорія Наз. ib. 88.

⁴ Хорват. пѣсня, записанная мною на островѣ Вельи: «... Сиди дивче доди, те си винце пијете, један винац сплјела, у морје годила.»...

⁵ Машлатка собственно значить: остовъ, скелеть, — старуха костлявая, — лга-баба. Срав. Малор. маслаки — кости животныхъ.

⁶ Левъ Діаконъ. IX, 8.

въ Уставѣ Владиміра о судахъ упоминается о молящихся у воды; въ Правилахъ Митрополита Іоанна о «еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодеземъ» и о бракахъ, совершаемыхъ у простаго народа плесканіемъ; въ словѣ Кирилла читаемъ: «не нарицайте собѣ бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ» и пр.¹ Въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ читаемъ не только о морскомъ царѣ, какъ и въ сказкахъ, но и объ обычаѣ приносить Волгѣ и морю хлѣбъ-соль, какъ жертву благодарности². Нѣкоторые изъ раскольщиковъ и доншій поклоняются водѣ, воображая въ ней видѣть духа, не только надъ колодцами, но и надъ чанами, и при поклоненіи бросаютъ въ воду серебряныя деньги какъ жертву. Вообще не истребилось еще почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или студенцамъ и озерамъ³. Изъ пѣсень и обычаевъ Русскихъ — говорить Снегиревъ — видно, что у воды совершались гаданья, какъ на примѣръ въ Семикѣ. Въ одной старой пѣснѣ, которую поютъ въ Подольской губерніи подъ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ кришцу, и та отвѣчаетъ имъ какъ оракулъ⁴. Въ Малороссіи, въ день Ивановъ рано утромъ, многіе купаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ четырехъ колодезей, а по закатѣ солнца приносятъ къ водѣ идола и дерево или марену, снимаютъ съ нихъ всѣ украшенія, кромѣ вѣнковъ, поютъ тѣ-же пѣсни, какъ и на кануни, и съ крикомъ, бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вѣгдъ за ними идола и марену. Иныя сбивать ввнзуть изъ воды свои вѣнки, чтобы унести, домой и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакѣ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней⁵. Съ этимъ

¹ Густин. Лѣт. 234, 237. Лѣт. Повг. 1781. 1. Уставъ Владиміра о судахъ въ доп. къ А. Н. 1. Русскія Достоп. I, 94, 101. Москвитинищ на 1844. I 243. Калайдовича, Памятники XII вѣка. 19.

² Древ. Рус. Стихотвореніи. М. 1818. 266 и 339. «Отрѣзалъ хлѣба великій суврой, а и солью насолнлъ, его въ Волгу пустилъ: «а спасибо тебѣ, Волга матушка рѣка.» — «Я, Садко, знаю, вѣдаю, бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани-пошлины, и въ то сине море Хвалынское хлѣба съ солью не опускавалъ, — по мени Садка смерть пришла.

³ Снегиревъ, Рус. праздни. М. 1839. I. 16.

⁴ Снегиревъ, ib. I, 136-137. III, 113.

⁵ Писсекъ, Очерки Россіи. III. М. 1840. 109.

обрядомъ сходенъ обрядъ, исполняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великороссіи подъ названіемъ «костромъ». Въ Пензенской и Симбирской губерніи, въ Троицкій день, дѣвки, одѣвшіяся въ худыя, обношенныя платья, сходятся въ одно мѣсто, и выбираютъ изъ среды своей одну, названную костромой, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга кунать¹. Поклоненіе водѣ было и у Польскихъ Славянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ обычаевъ и преданій: одно изъ такихъ преданій объ озерѣ, обитаемомъ духами, пересказываетъ Длугошъ, и нѣсколько подобныхъ сохраняется до сихъ поръ въ народѣ; изъ языческихъ обычаевъ можно вспомнить, что въ воскресенье сырной недѣли въ Силезіи и Польшѣ бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы². Было поклоненіе водѣ и у Балтійскихъ Славянъ: Титмаръ рассказываетъ повѣрье о морѣ, какъ обиталищѣ духовъ, и о священномъ озерѣ Гломачскомъ, предсказывавшемъ будущее, и почитаемомъ болѣе церквей. Эббо упоминаетъ о священномъ ручьѣ, обтекавшемъ орѣховое дерево, посвященное какому-то идолу; а Гельмольдъ объ обычаяхъ клясться ручьями³. Воднымъ божествамъ поклонялись и Чехи, какъ свидѣтельствуется ихъ лѣтописецъ, Козьма Пражскій, упоминая о поклоненіи потокамъ, о возліаніи и жертвахъ надъ потоками. Послѣдніе совершались въ Троицкіе праздники, и слѣдовательно могутъ быть сравнены съ Великорусскимъ обрядомъ погребенія костромы и съ русаліями⁴. До сихъ поръ у Чеховъ сохранилось кромѣ того повѣрье, что самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодеземъ⁵. У горныхъ Словаковъ есть остатокъ поклоненія водѣ, есть обычай бросать весной въ потоки яства, и повѣрье, что потоки и озера требуютъ жертвъ, повѣрье извѣстное отчасти и другимъ Славянамъ. — Изъ всего

¹ *Снегиревъ*, ib. III. 134.

² *Длугошъ*. VII, подъ 1278 г. *Снегиревъ*, ib. II. 131.

³ *Титмаръ*. I, 3. VII, 52. *Эббо*, 98. *Гельмольдъ*, I, 26.

⁴ *Козьма Пражскій*. ib. 10 и 197.

⁵ *Касторскій*, ib. 150.

этого можно вывести, что въ языческое время Славяне, поклонялись воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п.; очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточныя вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судьями. Воднымъ существамъ были посвящены особенныя дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Это понятіе сохранилось кое-гдѣ и до сихъ поръ: у Карпатскихъ Русиновъ есть преданіе, что царь огонь вмѣстѣ съ царицей водою свѣтъ создали; у Татранскихъ Словаковъ есть подобное преданіе, повторяемое въ сказкахъ, гдѣ разсказывается что огонь породилъ и солнце и мѣсяцъ, и звѣзды; есть оно и у Хорутанъ, несомнѣнъ забывшихъ старое повѣрье, что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ огонь загорѣлся въ землѣ. Можно предполагать, что и у другихъ Славянъ есть повѣрья въ этомъ же родѣ.—Объ обожаніи огня Славянами язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей Арабскихъ, хоть и не древнѣйшихъ, но конечно, передававшихъ извѣстія, почерпнутыя ими изъ древнихъ источниковъ: таковы Казвини и Бакуви, Абульфеда и Димешки'.

¹ Казвини, Бакуви и Абульфеда у Шармуа, ib. 340, 358, 361. Димешки у Френа, ib. 136.

Два послѣдніе называютъ это поклоненіе огню магизмомъ; а такъ какъ магизмомъ называли Арабы всякую языческую религію¹, то можно было-бы заключать, что и тутъ магизмъ упоминается вмѣсто язычества вообще; однако разнообразныя свидѣтельства доказываютъ очевидно, что тутъ надобно разумѣть огнеобожаніе. Чтобы начать со свидѣтельствъ, касающихся одинаково всѣхъ Славянъ замѣтимъ, что древнее огнепоклоненіе доказывается многими повѣрьями и обычаями Славянъ современныхъ. Такъ всѣ Славяне, сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огнянамъ, огневикамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блудячихъ огней, огненныхъ змѣй и пр. У всѣхъ Славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь возгнетаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у Русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ зичемъ или зичемъ (отъ «нетити—питити—возгнѣтати»²). У всѣхъ-же Славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ очагу, какъ къ обиталищу духовъ, домовыхъ и пр. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются въ обычай огневозжиганія въ полѣ—почти вездѣ во время праздника Купала, а кое-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время: эти огневозжиганія соединены у многихъ Славянъ съ перескакиваньемъ черезъ огонь—символомъ очищенія огнемъ—и съ обычаемъ жертвоприношенія огню. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются также въ обычай гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. У всѣхъ Славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли старыя памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычай судъ огнемъ и желѣзомъ: всѣ памятники въ которыхъ упоминается о судѣ Божиємъ водою, говорится и о судѣ желѣзомъ³. Къ числу этихъ общеславянскихъ обыкновеній надобно причислить и древній языческій обычай сожженія мертвыхъ, показывающій, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ многихъ другихъ, огонь былъ почитаемъ стихіей очистительной: «мы сожигаемъ

¹ Френкъ, ib. 137-138.

² Многие Славяне называютъ этотъ огонь «жичемъ огнемъ.» Сравни. Ходяковского Путешествіе. Рус. Истор. Сборникъ. III. 199.

³ См. стр. 22.

мертвыхъ—говоритъ Русскій Ибнъ-Фоцлану—такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»¹. Кроме всего этого, есть и другія свидѣтельства стародавняго поклоненія огню, касающіяся того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню Русскими читаемъ въ Словѣ Христолюбца: «и огневи молятся, зовуть его сварожіцем... и огневи молятся подь овин(о)м.»². О Сварожичѣ, сынѣ Сварога, упомянуто было выше: безъ сомнѣнія здѣсь должно разумѣть не Дажбога, Сварогова сына, а другаго, — во великомъ случаѣ сына владыки неба. У Малоруссовъ до сихъ поръ есть слово «богачъ», намекающее на давнее понятіе объ огнѣ, какъ сынѣ бога. Что-же касается до молитвъ подь овиномъ, то о нихъ упоминаетъ и Уставъ Владиміра о судахъ церковныхъ³; обычны онѣ и до сихъ поръ у Русскихъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на гумнѣ совершаются даже и нѣкоторые обряды, а въ другихъ празднуютъ и именины овина⁴. Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Кирилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огнь»⁵. У Поляковъ сохранились слѣды огнепоклоненія въ народныхъ повѣрьяхъ: такъ остается еще кое-гдѣ въ Польшѣ обычай отгадывать на горящихъ угляхъ, кѣмъ украдено что-нибудь пропащее: отбирая уголь за углемъ, приговариваютъ за каждымъ по три раза имя одного изъ тѣхъ, кого подозреваютъ, и чей уголекъ въ это время покроется пещомъ, тотъ и долженъ быть воромъ⁶. У Лукицкихъ Сербовъ кое-гдѣ живетъ преданіе о гаданьяхъ по пламени, и остатокъ этого гаданья существуетъ до сихъ поръ, когда зимою дѣвщцы собираются на пряжу: между другими гаданьями о своей судьбѣ, зажигаетъ каждая за себя

¹ *Ибнъ-Фоцланъ*, ib. 21.

² *Слово Христолюбца*, ib. 228.

³ *Уставъ Владиміра*, ib. I.

⁴ *Списокъ*, ib. IV, 83. I, 201.

⁵ *Кирилла Туровскаго*, Памятники XII вѣка. 19.

⁶ *Антоновъ*, Collectanea въ Эгорьской Библиотекѣ. III. № 15.

лучинку, и чья скорѣе погаснетъ, той, думаютъ, и умереть придется скорѣе. О почитаніи огня древними Чехами говорятъ Козьма Пражскій и Византійское преданіе, записанное Халкондилом¹. Въ народѣ Чешскомъ остаются до сихъ поръ гаданья по огню, на лучинахъ, на пещѣ, равно и повѣрья о появленіи духовъ огненныхъ, предрекающихъ несчастія. У Хорутанъ во многихъ мѣстахъ можно замѣтить обряды древняго огнепоклоненія. Такъ между прочимъ въ четвергъ великій и въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ долинахъ Богиньскихъ празднуютъ обрядъ посвященія огня. Дѣвушки, во время непогоды въ избѣ на очагѣ, а въ хорошую погоду въ полѣ, у роуци или у воды, раскладываютъ огонь и въ пѣсняхъ, которыя при этомъ поютъ, припѣваютъ: «sweti se, sweti ogenj, sweti se!». Два изъ дѣвушекъ, обыкновенно младшая и самая красивая, исполняютъ должность главной распорядительницы обряда, называлась дѣвою огня—«wogniena deklica». Замѣчательно, что оба раза это освященіе огня бываетъ въ день Зевса и Перуна², и что обрядъ совершается дѣвушками, которыя хранили огонь и по обрядамъ другихъ религій. У Сербовъ остались въ обычаѣ гаданья огнемъ, когда на такъ называемый «бадни дан» т. е. на праздникъ Коляды, зажигается «бадняк»³. Обычай креститься при разложеніи огня указываетъ также, что до принятія христіанской вѣры при разложеніи огня какъ-нибудь молились.—Опускаю нѣкоторыя другія свидѣтельства, мнѣ извѣстныя, не находя въ нихъ ничего особенно любопытнаго. Изъ того-же, что было тутъ приведено, можно вывести слѣдующее:—Огонь, какъ первоначальная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились—на очагѣ, подъ овномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, челоуѣку неясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годо-

¹ Козьма Праж. 10. Халкондила у Стримпера, *Memoire* par. II. 1062.

² Jeudi—dies Jovis, Donnerstag—Thursday; у Люнебургскихъ Славянъ Parandan-Perendan.

³ В. С. Караджичъ, Сръпски рѣченик. Беч. 1818. 16-17.

ые праздники, каковы Коляда и Купало; ему посвящался особенный день въ недѣль, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось двѣмагъ.

II.

СВЯТЯНИЩА БОГОСЛУЖЕНІЯ ГОРНАГО И ЛѢСНАГО.

Переходимъ теперь къ обзорѣню жертвенниковъ богослуженія горнаго и лѣснаго.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества, и по этому не могли не быть почитаемы какъ священныя мѣста богослуженія. «Не нарицайте собѣ бога ни въ каменіи», говорилъ Кириллъ въ своемъ словѣ, увѣщевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. О бѣломъ горячемъ камнѣ Алатырѣ, подъ которымъ сокрыта сила могучая, ей-же нѣтъ конца, сохранились до сихъ поръ мнѣны въ народѣ Русскомъ¹. Корочуновъ камень былъ, вѣроятно, также предметомъ поклоненія², подобно Коню камню (на островѣ Коневцѣ Ладожскаго озера), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня³; а въ Ефремовскомъ уѣздѣ на берегу Красной мечи, вокругъ Коня-камня совершается до сихъ поръ опахиванье во время скотскаго падежа⁴. Въ Поволжскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣбахъ часто можно найдти дуроватый камень, повѣшенный на жерди; его называютъ «куриньимъ богомъ», вѣроятно въ насмѣшку, въ которой однако сохранилось воспоминаніе о прежнемъ языческомъ поклоненіи камнямъ.⁵ Въ народѣ Малорусскомъ есть нѣсколько повѣрій о горахъ священныхъ и горахъ, на которыхъ (какъ напр. на

¹ Слово *Кирилла* въ Москвитинѣ, 1844. № 1. 243.

² *Сахаровъ*, Сказанія Рус. народа. СПб. 1841. Кн. II. Заговоры №№ 18, 19, 20, 25, 27, 30, 31, 34, 36.

³ *Карамзинъ*, II. Г. Р. IV. пр. 387.

⁴ *Исторія Рос. Иерархіи*. IV. М. 1812. 607.

⁵ *Снегиревъ*, ib. I. 15-16.

⁶ *Касторскій*, ib. 135.

Лысой горѣ у Кіева) собираются злые духи: эти повѣрья распространены особенно у западныхъ Малоруссовъ, на Бескидахъ, гдѣ рассказываютъ и сказки о духахъ горъ «горышихъ», столь извѣстныхъ въ сказкахъ Великорусскихъ, и совершаютъ гаданья, прислушиваясь къ отголоскамъ. У Балтійскихъ Славянъ было подобное почитаніе камней; ими клялись, говоритъ Гельмольдъ; у мыса Горенскаго, близъ Руяны, есть огромный утесъ, издавна названный рыбаками божьимъ камнемъ—Buskahm (бужь-камъ), а подлѣ Деммина есть другой священныи камень; вѣроятно много подобныхъ встрѣтить можно и въ другихъ мѣстахъ. Много священныхъ горъ находится въ Силезіи и Саксоніи, тамъ, гдѣ или прежде жили или и донынѣ живутъ Славяне: таковы—Соботка (Zobienberg), Кёнигганскія горы, Прашицкія, Вѣлбогъ и Чернобогъ ипр. О томъ, что горы и камни обожаемы были древними Чехами, свидѣтельствуеъ Козьма Пражскій². Въ пѣсняхъ Краледворской рукописи упоминается о скалѣ, милой богамъ, на которой совершались жертвоприношенія³. У Словаковъ священными горами до сихъ поръ считаются нѣкоторыя изъ вершинъ Татранскихъ; по ихъ повѣрью, тѣни усопшихъ собираются въ Ивановъ день на Матру молиться духамъ, живущимъ въ этой горѣ. У Хорутанъ имя священной горы носитъ Триглавъ. У Хорватовъ и Сербовъ приморскихъ хребетъ Велебитскій считается обиталищемъ вилъ, горныхъ русалокъ, которыя, по народному преданію, какъ духи добрые, помогаютъ человѣку, предостерегаютъ его отъ опасностей, даютъ ему знать о шихъ своимъ голосомъ, предсказываютъ ему будущее, и требуютъ отъ него жертвъ⁴. У Хорватовъ есть обычай оставлять для шихъ на камняхъ плоды и ленты, обычай превратившійся въ дѣвичью игру, но оставшійся, конечно, отъ временъ языческихъ,

¹ Гельмольдъ. I. 83. Бартольдъ, Geschichte von Rügen und Pommern. I. Hamburg. 1839. 559.

² Козьма Пражскій, ib. 197.

³ Краледвор. пѣсь. IV, 143—145. Срап. Стредовскаго, Sacra Morav. hist. 42.

⁴ В. С. Караджичъ, ib. 69—70. Его-же Српске пјесме. Беч. 1841. I. 149

когда имѣлъ религіозное значеніе. У нихъ есть и пословица: — «узми, вило, ча је теби мило!», употребляемая, когда говорится о вынужденномъ подаркѣ. — Хотя всего этого мало, чтобы составить полное понятіе о богослуженіи горнымъ; но и изъ этого видно, что божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, что къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и что вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники каменные, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карнатахъ, Судетахъ, Исповинахъ и пр.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ шатали Славяне, и сохранили отчасти донынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у Русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: «Приходя на островъ св. Георгія — говоритъ онъ — Русскіе совершали жертвоприношенія подъ большимъ дубомъ». Въ Уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ, «кто молится въ роценьи»¹, а въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи «дуплинамъ древянымъ, вѣтви уброедемъ обвѣшивающе»². Этотъ по слѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ полотнца и мотки нитокъ, называя это приношеніями русалкамъ³. Въ Густинской лѣтописи упоминается о жертвоприношеніяхъ роценьямъ; а въ Ипатьевской лѣтописи — о служеніи около куста⁴. И хотя уже Кириллъ Туровскій говорилъ, что «уже бо не нарекуте богомъ — ни дерева»⁵; однако не только Духовный Регламентъ запре-

¹ Константинъ Порфир. De Administrando imperii. 9.

² Уставъ Владиміра, ib. 1.

³ Карамзинъ, Н. Г. Р. I. пр. 216.

⁴ Касторскій, ib. 134.

⁵ Ипатьев. Лѣт. ib. 184, 234, 257.

⁶ Калайдовича, Памятники XII в. 19.

щаль «передъ дубомъ молитвы гѣть, но и до сихъ поръ народъ Русскій рассказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ старымъ деревьямъ, и даже кос—какіе обычай, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи. Такъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о «силѣ видимой невидимой», живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мокрецкомъ, какъ о чемъ—то священномъ ипр.¹ Семицкая гѣсня: «подъ липою столъ стоитъ», какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой—то жертвенный обрядъ². Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса; простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное аужашье, какъ въ голосъ судьбы; на Бескидахъ и въ лѣсахъ Поволжскихъ есть обычай у охотниковъ первый уловъ оставлять какъ жертву лѣсной силѣ и пр. Поляки также чтятъ деревья. Эббо упоминаетъ о большомъ орѣховомъ деревѣ, посвященномъ богу близъ Штетина; а Сефридъ—о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который почитался жилищемъ, какого—то бога³. Народъ считаетъ до сихъ поръ нѣкоторые роцы священными, и запечатлѣтъ прежнее уваженіе къ нимъ въ самыхъ названіяхъ: нѣкоторые называются по прежнему обычаю «божницами»⁴. О религіозномъ почитаніи лѣсовъ и деревьевъ у Балтійскихъ Славянъ есть много современныхъ свидѣтельствъ. У Титмара читаемъ, что священнымъ считался лѣсъ, окружавшій храмъ Петрскій, священнымъ и обожаемымъ былъ и Святыи боръ (Zuitbor)⁵. Болѣе подробныя извѣстія находимъ у Гельмольда, который не только говоритъ о почитаніи лѣсовъ и роць, какъ святилицъ, и о запре-

¹ Снегирева, *ib.* I, 39. II, 6.

² Сахарова, *ib.* Заговоры №№ 11, 19, 25, 28, 29.

³ Снегиревъ, *ib.* III, 112.

⁴ Эббо. 98. Сефридъ. 106, 169.

⁵ Голембѣвскій, *Lud polski.* Warsz. 1830. 278—279. *Ходаковского Доне-сеніе въ Истор. Сбор. VII.* 116: Гай богъ. *Фабрицій, Urkunden zur Geschichte d. F. Rügen. Stralsund.* II. 1843. 68. № 132: «*duo arbores que Hagebokin dicuntur.*»

⁶ Титмаръ. VI, 26, VII, 18.

щеніи клясться деревьями; но и подробно, какъ самовидецъ, описываетъ одну изъ священнѣхъ рощъ. «На пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы захали—рассказываетъ онъ—въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ—голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и священныя дубы, которые были посвящены богу того края, Проне. Они окружены были дворомъ и деревянною, тщательно отдѣланною оградой съ двумя воротами. Кромѣ пенатовъ и идоловъ, которыми наполнены были все мѣстечки, это мѣсто было святилищемъ для всего края, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда послѣ праздника, сходился народъ на судъ съ жрецомъ и княземъ. Входъ въ дворъ воспрещенъ былъ всякому кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ принести жертвы или кто, угрожаемый опасностію смерти, искалъ тутъ убѣжища. Когда мы прибыли къ этой рощѣ, епископъ сталъ насъ увѣщивать притиснуть къ разрушенію святилища, и самъ соскочивъ съ коня, ширинуль большіе фронтоны воротъ. Тогда, вышедши въ дворъ, мы сложили разрушенную ограду вокругъ тѣхъ священнѣхъ деревъ въ костеръ, и зажгли»¹. Арнольдъ Любекскій упоминаетъ о рощахъ Годерака, а Марескалкъ Турій о рощахъ Живы². До сихъ поръ въ Германіи, гдѣ прежде жили Славяне, нѣкоторыя рощи и боры называются святинами³. О нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ рассказываетъ какъ о мѣстахъ сборища духовъ, и прислушивается къ ихъ голосу, какъ къ голосу оракула. Въ Лужицахъ Саксонскихъ говорятъ, что въ такихъ «святыхъ гаяхъ» являютя тѣни стародавнихъ князей, и молятся тамъ неизвѣстному богу, принося жертвы. О существованіи лѣснаго богослуженія у Чеховъ находимъ свидѣтельство у Козьмы Прагскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ раска-

¹ *Гельмольдъ*. I, 52, 83.

² *Гельмольдъ*. I, 83.

³ *Арнольдъ Любекскій*. *Chronicon Slavorum*, IV, 24, (Срavn. *Лина*, *Jahrbücher des Vereins für Mecklenb. Gesch.* VI. Schwerin. 1841. 70). *Марескалкъ Турій*. *Annales Herulorum*. I, 4.

⁴ На up. Heiligenhai nam Swent. *Schwarz*, Einleitung zur Geschichte Nord. Deutsch. Slav. 204.

зываетъ, что вторая изъ трехъ дочерей Крока, Татка, научила народъ обожать дриады, и что въ его время еще было въ простомъ народѣ религиозное почтеніе къ рощамъ и деревьямъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Князь Брѣтиславъ разрушилъ и сжегъ рощи и деревья, которые были еще почитаемы простымъ народомъ во многихъ мѣстахъ¹. Въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ» говорится, что Честмиръ, посланный Княземъ Неклапомъ на Власлава, передъ выступленіемъ въ походъ, «pode wsie drua wzlozie obieti bohom». Въ другой пѣснѣ «о великомъ пораженіи», тамъ-же, Забой, жалуясь на шовѣрцевъ, угнѣтанныхъ ихъ вѣру, говоритъ между прочимъ, что они, «posiekachu wsie drua i rozhrusichu wsie bohi»². У Славяковъ есть много воспоминаній о священныя рощахъ. Кромѣ суевѣрныхъ рассказовъ о чудесахъ, тамъ совершающихся, видимъ у нихъ обычай, довольно распространенный, содержатъ подлѣ селеній заповѣдныя «гаи», большею частію на возвышенныя мѣстахъ: туда осенью собираются дѣвушки «слушать духа» который шепотомъ падающихъ листьевъ высказываетъ имъ ихъ будущее. Въ ихъ сказкахъ попадаются случаи подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и рядить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубину лѣса, въ такую чашу, куда-бы не могъ дойти лучъ солнца³. Преданія о святости лѣсовъ есть и у Славянъ Задунайскихъ, которыхъ воображеніе живо еще занято повѣрjami объ обитательницахъ лѣсовъ, виллахъ, о великанахъ, скрывающихся въ ихъ недоступной чащѣ, и пр. У Хорутанъ не лзя не замѣтить обычая, сохранившагося во многихъ мѣстахъ, совершать обряды и игры у липы, которою украшается середина главной сельской площади. Уваженіе къ липамъ обще и многимъ другимъ Славянамъ⁴. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и лѣсахъ любили язычки Славяне

¹ Козьма Празж. 10, 197.

² Краледвор. рцсь. IV, 22 — 23. VI, 50 — 51.

³ Краледвор. рцсь. VI, 15 — 19.

⁴ Коларъ, Zpiscwanky. I. 429 — 431.

хоронить мертвыхъ. Это запрещалъ Поморянамъ Отгонъ Бамбергскій; это запрещалъ и Чехамъ Князь ихъ Брѣтиславъ'. — Изъ всего, что сказано выше о лѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можемъ вывести слѣдующее:—Служеніе богамъ совершалось—или подлѣ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, нерѣдко дуплистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено копыями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви,—или около куста,—или-же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

III.

ГОРОДИЩА.

Не лзя не согласиться, что и такъ называемыя городища принадлежали къ святилищамъ, составляя переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ. —Городища, какъ памятники язычества, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не имѣя возможности говорить о нихъ здѣсь подробно, сообщу только въ общемъ итогѣ то, къ чему привели меня изслѣдованія, мною сдѣланныя въ западныхъ Славянскихъ земляхъ, сравнительно съ изслѣдованіями Ходаковского¹. Городищемъ² называется старинная валовая насыпь, изогнутая по своему протяженію правильно дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукругіе, и иногда обведенная кругомъ—ли или съ какой—нибудь стороны

¹ Андрей, V. От. II, 82. *Козьма Праж.* 112.

² Ходаковского, Планъ Путешествія по Россіи, въ Сынъ Отеч. за 1820. N. 33—40; а извлеченіе изъ него въ Вѣстникъ Евр. 1820. N. 17—18. *Его-же*, о Słowianszczyźnie przed Chrzescianstwem. Krakow. 1835. *Его-же*, Историч. Система, въ Рус. Истор. Сборникъ. I. М. 1837, кн. 3.

³ Рус: городище, городиско; Польш. grodzisko; Луж: 'rodzišće; Чеш: hradiště.

не ровнѣмъ, а другою подобною насыпью или даже многими. Изъ городищъ одновальныхъ многія суть полныя круглыя, въ которыхъ валъ образованъ по круговой чертѣ, болѣе или менѣе правильной, и опускается въ завалье полого, а на вѣншию сторону довольно круто, и притомъ такъ, что у нѣкоторыхъ валъ всюду одинаково высокъ, между тѣмъ какъ у другихъ онъ въ одну сторону высокъ и широкъ, а въ другую гораздо ниже и уже. Иныя изъ нихъ вовсе не имѣютъ входа; иныя-же имѣютъ одинъ входъ или два. Въ городищахъ полныхъ угловатыхъ валъ образованъ по четвероугольному чертежу, но болѣе или менѣе закругленъ: они бывають также со входами и безъ входовъ. Отъ городищъ полныхъ съ перваго взгляда отличаются городища половинныя; у нихъ отворенная сторона обыкновенно обращена къ болѣе или менѣе крутому скату горы, подъ которымъ почти всегда течетъ вода, — и валъ у нѣкоторыхъ образованъ дугою болѣе или менѣе глубокою, а у другихъ заугленъ покосемъ или глаголемъ. Городищами многовальными можно назвать тѣ, которыя кромѣ главной, полной или половинной, круговой черты вала, имѣютъ еще особенныя валовыя насыпи кругомъ или съ боку. Разнообразіе этихъ придѣлокъ такъ велико, что едва-ли можетъ быть подведено подъ какія-нибудь общія условія. Почти каждое такое городище представляетъ какую-нибудь особенность, которой не имѣетъ никакое другое, и между тѣмъ эти придѣлки, безъ сомнѣнія, что-нибудь значили, насыщались не случайно, не по прихоти, а въ слѣдствіе нужды. Вообще ихъ можно раздѣлить на два разряда: въ городищахъ двойныхъ или составныхъ трудно отдѣлить главную часть отъ приставной; въ городищахъ фигурныхъ или обсыпныхъ около главнаго вала находятся придѣлки, не соединенныя съ нимъ въ одно цѣлое. Придѣлки эти иногда имѣютъ форму дуги, обводя собою главный валъ — то съ задней стороны, то почти кругомъ; иногда-же, получая самыя разнообразныя формы, примыкають болѣе всего къ входу городища¹. Городище имѣетъ свой тылъ

¹ Примеры городищъ разныхъ формъ можно найти у *Ходаковского* (Истор. Сист.), *Калайдовича* (Письма объ археолог. изслѣдованіяхъ М. 1824), *Виг-*

или заднюю сторону тамъ, гдѣ валъ поднимается выше, и свою переднюю сторону или лице тамъ, гдѣ валъ ниже, или гдѣ есть входъ въ городище. Ходаковский считалъ лице или входъ съ востока однимъ изъ важныхъ условій устройства городища¹; есть однако много городищъ, обращенныхъ къ западу, сѣверу и югу, а въ обращенныхъ къ востоку не лѣзя не замѣтить, что многія изъ нихъ обращены не прямо на востокъ, а замѣтно болѣе на сѣверъ, чѣмъ всходитъ солнце лѣтомъ. Притомъ-же, лице и тылъ городища не всегда обращены въ противоположныя стороны: у многихъ лице въ отношеніи къ тылу находится съ боку.—Ни одно изъ городищъ не сохранилось, быть можетъ, вполне въ такомъ видѣ, въ какомъ было первоначально: одни осѣли, другія разрыты водою или людьми, и всѣ такимъ образомъ могли потерять хоть что-нибудь какъ въ своей формѣ, такъ и въ величинѣ. Тѣмъ не менѣе, не опуская изъ виду формы, не лѣзя не обращать вниманія и на величину городищъ, т. е. на длину вала по его вѣнцу, на толщину и вышину его, наконецъ на обширность завалы или внутренняго пространства городища. Длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и также рѣдко доходитъ до 1000 шаговъ: обыкновенной величины городища простираются въ длину отъ 150 до 300 шаговъ по вѣнцу вала. Высота вала не соразмѣряется съ его длиною: напротивъ того, въ очень большихъ городищахъ вообще валъ ниже,—можетъ быть впрочемъ, отъ того, что легче могъ быть испорченъ. Вообще валъ не бываетъ ниже 3-хъ шаговъ въ отвѣсѣ и доходитъ слишкомъ до 20. Что касается до толстоты вала, то она, съ немногими исключеніями, всегда соразмѣрна съ его вышину, расширяясь внизъ обыкновенно подъ угломъ 90—110°. Во внутреннемъ пространствѣ городища имѣеть поперечнику до 80 шаговъ и болѣе, а иногда и не

исра (Die Tempel und Pyramiden auf dem recht. Elbufer. Leipz. 1828. Aegypten in Deutschland Leipz. 1833), *Прейскера* (Blicke in die vaterländ. Vorzeit Leipz. 1841—1843. I. 100 и слѣд. II. 116 и слѣд. 192 и слѣд.), и проч.

¹ Ходаковский, Истор. Система. II, 27, 93.

болѣе 10. — Такъ разнообразны городища, встрѣчаемыя въ земляхъ Славянскихъ. Не во всѣхъ впрочемъ Славянскихъ земляхъ онѣ встрѣчаются, хотя Ходаковскій и воображалъ, что ими наполнено все пространство отъ Уральскихъ горъ и Камы на западъ до Эльбы и Герцинскихъ лѣсовъ, а отъ Сѣверной Двины на югъ до Балканскихъ горъ и Адриатическаго моря¹. Границы восточныя, можетъ быть, и справедливо означены; но на западѣ ихъ должно означить совсѣмъ иначе. Тамъ горная черта, идущая по вершинамъ Карпатскаго хребта, Судетовъ, Моравскаго погорья, Шумавы или Чешскаго лѣса и Рудныхъ горъ, и отдѣляющая Дунайское загорье отъ загорья Балтійскаго, отдѣляетъ и земли, обильныя городищами, отъ земель, гдѣ ихъ едва-ли не вовсе нѣтъ. Въ земляхъ южныхъ Славянъ, т. е. Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, равно и въ земляхъ Угорскихъ Русиновъ и Словаковъ, занимающихъ южные склоны Карпатовъ, также и въ Моравиѣ, на востокъ отъ Моравскаго погорья, можно слышать объ усадьбахъ, селеніяхъ, городахъ, урочищахъ, называемыхъ городищами, но едва-ли можно найти самыя городища. Напротивъ того, на сѣверномъ склоне Карпатовъ и Судетовъ и вокругъ Исполниновыхъ горъ, городища не большаго рѣдкости, особенно между верховьями Эльбы, Одры и Вислы, — и на сѣверъ доходятъ они до широты Берлина и Варшавы, такъ что за 53° не попадаются уже, кажется, нигдѣ. Въ Мекленбургѣ нашлось пока только одно городище². Въ иныхъ мѣстахъ находимъ городища расположенными довольно близко одно отъ другаго. Это заставило думать, что онѣ и вездѣ въ предположенномъ пространствѣ одинаково часты, что на каждой квадратной милѣ, какъ думалъ Ходаковскій, можно искать городища, и что притомъ каждое лежитъ уединенно, что не лзя видѣть двухъ-трехъ на одной верстѣ³. Факты противурѣчаютъ этой догадкѣ: въ Лужицахъ, на примѣръ, чѣмъ глубже идти

¹ Ходаковскій, Планъ путешествія. Сынъ От. N. 33. 296.

² Ravensbug. Bartsch, Jahresbericht d. Vereins für Meklenburg. Gesch. Schwerin. 1840. 110—117.

³ Ходаковскій, Истор. Сист. 11—12.

на югъ въ горы, и чѣмъ ближе подходитъ къ такъ называемому Болоту (Bloto, Spreewald), тѣмъ ихъ меньше; въ Силезіи и Галиціи ихъ болѣе въ южной половинѣ, нежели въ сѣверной; въ южной Россіи нѣкоторыя порѣчья, подобно Коломацкому, примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно пройти большое пространство, напримѣръ въ Стени, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ и на востокъ, и на западъ городища попадаются иногда такъ близко, что съ одного можно ихъ видѣть нѣсколько: такъ на Шпревѣ и ея притокахъ одно отъ другаго отстоитъ иногда не далѣе какъ въ полуверстѣ.—Ходаковскій былъ убѣжденъ, что городища были ставимы только на мѣстахъ возвышенныхъ надъ водою, съ себя и на себя давая открытій, прекрасный видъ, или на стрѣлкахъ соединенія двухъ потоковъ воды. Это мнѣ кажется недосмотромъ. Конечно, есть много городищъ, поставленныхъ въ такихъ мѣстахъ; но много есть и такихъ, которыя окружены равниной, болотами, лугами, холмами, и скрываются за ними почти со всѣхъ сторонъ. Большая часть Саксонскихъ, сѣверныхъ Лужицкихъ, юговосточныхъ Силезскихъ и пр. лежатъ въ болотахъ; большая часть Южворусскихъ—на совершенно ровныхъ мѣстахъ; у очень многихъ не находимъ слѣда текучей воды; другія лежатъ въ лѣсахъ, и не мудрено, что какъ теперь, такъ и прежде скрывались за чащей. Вообще мнѣ кажется, городища въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на два разряда. Одни лежатъ на мѣстахъ открытыхъ, могли быть всегда видны хоть съ какой нибудь стороны;—и таковы стѣнныя не только видныя по и приступныя; таковы же и пагорбныя, которыя хоть и могли быть неприступны, съ одной стороны окружаясь лѣсомъ, съ другой кручею ската, но все-таки были видны съ этой стороны снизу вверхъ. Другія, напротивъ, лежатъ на мѣстахъ, гдѣ они легко могли быть скрыты за лѣсами, за болотами или за тѣми и другими мѣстѣ.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы повяты высшій видъ и положеніе городищъ; остается сдѣлать еще нѣсколько замѣтокъ о томъ, что городища были дѣйствительно святилищами ?

* Ходаковскій, іѳ. 11.

богослуженія у древнихъ Славянъ. Это доказывалъ уже Ходаковскій, еще не обращая вниманія на то, что можно въ нихъ найти, разрывая почву, ихъ покрывающую¹. Теперь, когда многія изъ нихъ разрыты, можно говорить объ этомъ положительнѣе. Въ городищахъ, при разрытіи оконечностей вала и внутренняго пространства завалья, находимы были: а) уголь и зола, въ огромномъ количествѣ сваленные куда-нибудь къ сторонѣ, а иногда покрывающіе дно завалья; б) въ углѣ и золѣ недогорѣвшія головки, кости и рога животныхъ, черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; в) въ углѣ и золѣ, а также въ насыпи и въ завальи — ножи, стрѣлы, приборы къ одеждѣ изъ бронзы, серебра, золота и пр., д) каменныя основанія костра и между камнями недогорѣвшіе брусья². Все это доказываетъ, что въ городищахъ сожигали людей и животныхъ, и что слѣдовательно это были мѣста или жертвоприношеній, или сожженій мертвыхъ, носившихъ на себѣ тотъ-же характеръ жертвоприношеній, или того и другаго вмѣстѣ. Не лзя оспаривать, что городища могли быть въ немирное время мѣстами убѣжищъ, какими были и священныя роцни и храмовыя города, во время мира совершенно пустынные³; но не въ этомъ заключалась ихъ прямая цѣль: иначе-бы не то можно было находить въ нихъ. Притомъ-же, нѣкоторыя изъ городищъ такъ малы, что ихъ какъ военныя укрѣпленія употреблять было-бы странно. Не говорю уже о томъ, что употребленіе рва у вала для защиты отъ врага столь-же обще извѣстно, какъ и естественно; а между городищами нѣтъ ни одного, въ которомъ-бы валъ былъ окруженъ рвомъ, такъ что въ этомъ не лзя не видѣть намѣренія, вовсе не тактическаго. Наконецъ, и въ народѣ хоть они извѣстны иногда подъ именемъ шанцевъ, но сохраняютъ и священныи характеръ, пробуждая собою религіозный страхъ или приковывая къ себѣ какія-нибудь языческія воспоминанія. Словомъ сказать, богослужебное значеніе городищъ видно изо всего. Тѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что

¹ Ходаковскій, ib. 53 и слѣд.

² Смотр. вышеознач. статьи *Фрейскера* и *Вагнера*.

³ *Гельмгольцъ*. I, 83. Срав. ниже о храмовыхъ городахъ.

нѣтъ пока возможности дознаться не по однимъ догадкамъ, ка-кого именно рода богослуженію посвящены были они, какіе обряды были въ нихъ совершаемы, и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ надобно отложить до того времени, когда городища подвергнутся изслѣдованіямъ, болѣе подробнымъ.

IV.

ХРАМЫ: ихъ устройство и положеніе, храмовыя изображенія боговъ, богатства храмовъ.

Древнѣйшее изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ Арабскому писателю, Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующія строки: — «Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, какъ говорятъ философы. Это зданіе славно—по своей архитектурѣ,—по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ,—по отверстіямъ въ кровль,—по настройкамъ, сдѣланнымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца,—по драгоценнымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся,—по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими драгоценными камнями прежде, чѣмъ они случились,—по звукамъ, раздающимся сверху зданія,—наконецъ по тому, что бываетъ съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюду извѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, представляющій Сатурна въ видѣ старца. . . тамъ-же есть странныя изображенія различныхъ Абиссинцевъ и Эфіопцевъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ залпвомъ: оно построено было изъ краснаго коралла и зеленаго изумруда. Посреди зданія возвышается большой куполъ, подъ которымъ стоитъ идолъ. . . а противъ него другой изображающій дѣву.

* По другому списку: «изъ мрамора».

Построение этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между шими¹. Не лзя не сказать, что въ этомъ описаніи кое-что обрисовано красками невѣрными, въ преувеличенномъ видѣ; но не лзя и отвергнуть всего описанія, какъ совершенно негоднаго для историческихъ соображеній: многое подтверждается извѣстіями другихъ источниковъ. Остается одно загадкою: какимъ Славянамъ принадлежали храмы, тутъ описанные. Не Славянамъ югозападнымъ, можно сказать только потому, что о храмахъ ихъ ни въ предѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карпатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣденій, какъ нѣтъ свѣденій и объ ихъ идолослуженіи. Скорѣе можно было-бы приписать ихъ Славянамъ восточнымъ или сѣверо-западнымъ, потому что знаемъ и о сношеніяхъ ихъ съ Арабами, и объ ихъ храмахъ, въ родѣ тѣхъ, которые описаны у Масуди. — О храмахъ Русскихъ Славянъ имѣемъ впрочемъ только краткія напоминанія. О третищахъ поминаетъ Новгородская лѣтопись; о капищахъ — Митрополитъ Иларіонъ въ «Словѣ о Законѣ Моисеомъ даншемъ»; о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей — Кіевскій Патерикъ²; и т. д. Самое подробное извѣстіе о Русскихъ языческихъ храмахъ находится въ Сагѣ объ Олавѣ Тригвессонѣ: Олавъ — сказано тамъ — бздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверьми, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы³. — О храмахъ Польскихъ Славянъ есть извѣстія болѣе разнообразныя. Объ ихъ существованіи поминаютъ

¹ Масуди, ib. 319—321, 340, 358.

² *Новгор. Лѣт.* въ Продолж. Рос. Вивліов. II. 111. Теоретіа Св. Отцевъ. М. 1844. II. 204. *Карамзина*. И. Г. Р. I. пр. 225. *Третище* — храмъ, жертвенникъ (Иерем. VIII, 31: создана третище — Vulgat: excelsa. — Павла Посл. I къ Коринт. VIII, 10: въ третищи возлежаща — Vulgat: in idolio). *Третищи* — тереть — щипать, выщипывать, вырывать, выщипать; *триба* — нужда, обрядъ. — *Капище* — идолъ, — жертвенникъ. (Исходъ. XXIII, 24: сокрушиши капища — Vulgat: statuas. Дьян. Аност. XVII, 23: обрѣтохъ капище — Vulgat: agam. Срав. *Карамзина*, И. Г. Р. I. пр. 458. *Капище*, по Добровскому (Грамм. Слав. I. 122. рус. перев.), отъ *kap*-ати: не правильнѣе ли отъ *kop*-отъ (срав. Греч. *καπνος*).

³ *Сага объ Олавѣ Тригвессонѣ*. Руск. Истор. Сбор. IV. 46—47. ср. 96—97.

Другошь и Бѣльскій, о храмѣ богини Живы на горѣ Живецъ—хроника Прокоша, о храмахъ земли Колобрежской—хроника Титмара'. Кромѣ того, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго довольно подробно говорятъ о храмахъ Штеттинскихъ. «Были въ Штетинѣ—именно Сефридъ—четыре «ковчины» (continae, concinae), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внешняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшена была выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и жили, и скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія внешней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить. Въ ней хранились разныя драгоценныя вещи, оружія и пр. Въ ней-же былъ трехголовый идолъ, называемый Триглавомъ. . . Три другія ковчины были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣнъ, потому что тутъ бывали обычно собранія и совѣщанія, сюда сходились въ извѣстные дни и часы шровать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ»². Изъ Эббона можно прибавить, что храмъ Триглава былъ на одной изъ трехъ горъ Штетинскихъ, самой высокой³.—Всего болѣе извѣстны храмы Балтійскихъ Славянъ. Что ихъ было тамъ много, замѣтилъ уже Титмаръ. Онъ сообщаетъ между прочимъ и описаніе одного изъ нихъ. «Въ землѣ Редарей—говоритъ онъ—есть городъ, по имени Ридгостъ, трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ

¹ *Другошь*. V, 9. *Прокошь*, 113. *Титмаръ*. VIII. 52.

² *Сефридъ*. 105. Онъ объясняетъ слово контина отъ Лат. continere: puto ab eo quod est continere continas esse vocatas. Нынѣ производилъ это слово отъ *Гонтъ*—Schindel (*Карамзинъ*. II. Г. Р. I. 68. *Бартольдъ*, ib. I. 561); другіе читали: кончины, и, сравнивая или съ *конь-концы*, думали, что онъ стояли на концахъ города, или-же съ *конь-законъ*, воображали, что онъ были мѣстами храненія законовъ (*Wiener Jahrbücher*. XXVII 90. *Раковецкій*, *Prawda Ruska*. Warsz. 1822. I. 113—114). По моему мнѣнію, contina-concina то-же,—что Старослав. кѣтина—Поль: kącina: корень—кѣтъ (кутъ, уголъ); отъ него Старослав. кѣща, Срб. куша, хрт: коча (домъ),—срав. Нем. katschen. Такъ и *храмина* отъ *храмъ-горомъ* (домъ, кѣтъ).

³ *Эббо*. 64. 97.

лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третьи, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ нѣтъ ничего кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесной рѣзьбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри-же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ изъ нихъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичь. . . Въ храмѣ хранятся священныя знамена. . . Сколько краевъ (regiones) въ этой землѣ, столько и храмовъ; но вышепомянутый городъ повелѣваетъ всѣмъ ими»¹. Тотъ-же самый храмъ, по позднѣе, можетъ быть, перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій: «Знаменитый городъ Редарей, Ретра,—столица идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Редигасть (Радигасть, Радагастъ). Въ городѣ девять воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входить въ него по деревянному мосту, но по нему идти позволяется только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертвы или получать отвѣты на гаданья. Это въ знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погибшія души язычниковъ. Отъ Гамбурга до Ретры четыре дни пути»². О храмѣ Ретрскомъ упоминаетъ и Гельмольдъ, называя городъ очень древнимъ, а храмъ, посвященный Радагасту—очень славнымъ³. Гельмольдъ упоминаетъ еще о храмѣ Плонскомъ въ землѣ Вагровъ, о храмѣ въ землѣ Цирциановъ и о храмѣ Арконскомъ на островѣ Рулигъ, замѣчая знаменитость его и богатство⁴. Подробное описаніе храма Арконскаго находится въ Датской Исторіи Саксона грамматика:—«Городъ Аркона—ишетъ онъ—построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искусственной за-

¹ *Титмаръ*. VI, 17—18. Прибавка выраженія: que nulli facile patet o восточ. входе сдѣлана по Брюссельскому списку, следуя мнѣнію *Гизебрехта*, *Wend. Geschichten*. Berl. 1843. I. 69.

² *Адамъ Брем.* II. 65. *Гельмольдъ*. I, 2.

³ *Гельмольдъ*. I, 21.

⁴ *Гельмольдъ*. I, 36, 38, 52, 71, 83. II, 12.

щитой—утесами, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый впрочемъ не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнуть кумирь. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя состояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей; внутренняя—изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный идолъ (Святовидъ), а подлѣ него были узда, сѣдло, мечъ и пр.... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядвей, то ужалъ на ближнюю стѣну, такъ что надобно быдо ее вырубивать, чтобы вытащить его изъ храма. Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже истлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ... Тому-же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ. Саксо грамматикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности и о Кореницкомъ храмѣ Рујевица, на томъ-же островѣ Рууиъ: — «Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ. Не обитаемый во время мира, онъ былъ положъ жилищъ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ не ужалъ-бы на голую землю. Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, котораго, также какъ и капище, не

* Саксо грам. 822, 823, 826, 837.

имѣя стѣны, завѣшена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однихъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова, то дубовый идолъ Рујевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ»¹. Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокѣ². О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушенія крестоносцами говоритъ хронографъ Саксо³. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія Св. Оттона Бамберскаго. Такъ Сефридъ рассказываетъ, что въ Гуцковѣ, у Цирциановъ, былъ храмъ удивительной величины и красоты; такъ Эббо говоритъ о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгастѣ и Юниѣ, а Андрей—о храмахъ Юнискомъ и Гавельбергскомъ⁴. О другомъ храмѣ у Гаволянъ въ городѣ Браниборѣ намекаетъ Пулкава⁵ и пр.

Вотъ почти все, что намъ положительно извѣстно о Славянскихъ языческихъ храмахъ. Очень не многое можно прибавить къ этому для объясненія ихъ архитектуры.—Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части—переднюю часть и собственное святилище. Святилище иногда находилось въ серединѣ храма. Думаю—иногда, потому что Саксо грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища по серединѣ Рујевитова храма какъ особенность, говоря объ этомъ храмѣ только то, что въ немъ было отлично отъ храма Святovidова, и не говоря о другихъ храмахъ вовсе ничего, безъ сомнѣнія, потому что о нихъ нельзя было сказать ничего особеннаго. Если-же святилище только въ нѣкоторыхъ храмахъ занимало середину, то въ другихъ оно было, конечно, въ концѣ, противоположномъ входу. Такъ, кажется, и было въ Арконскомъ храмѣ Святovidа: идолъ перерубленный по лядвеямъ, повалился на ближнюю стѣну; слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны было меньше пространства, нежели сколько въ немъ самомъ вышши отъ головы до середины лядвей. И хотъ идолъ

¹ Саксо грам. 841—842.

² Саксо грам. 842—843, 763.

³ Хронографъ Саксо подъ 1148.

⁴ Сефридъ. 136. Эббо. 37. 73. 80. Андрей. II, 15. III, 181.

⁵ Пулкава, Chronicon подъ 1156. Добнеръ, Monumenta Bohem. III. 167.

былъ выше человѣческаго росту, положимъ такъ-же высокъ, какъ и идолъ Рујевита, т. е. до пяти аршингъ¹, такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую упалъ, было отъ трехъ до четырехъ аршингъ, то все-же не лзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстояніи были и другія стѣны храма, чтобы такой маленькій храмъ могъ Саксо грамматикъ назвать большимъ и величественнымъ. Притомъ и самъ Саксо, говоря, что идолъ упалъ не просто на стѣну, а на ближнюю стѣну (*propinquo parieti supina incidit*), тѣмъ самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ идолъ стоялъ дальше. — Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя колоннами и богатыми завѣсами, спущенными до земли². Главный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ серединѣ, а во кругъ него расположены были другіе идолы и священныя вещи. — Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно гораздо пространѣе. Стѣны, ее окружавшія, были украшены рѣзными изображеніями священныхъ предметовъ, рогами звѣрей, пуриуровыми тканями, — и рѣзба была не только на внутренней сторонѣ стѣнъ, но и на внешней, рѣзба, раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдающеюся изъ стѣнъ, вышуклою (*sculpturas de parietibus prominentes*). Изображенія представляли боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, безъ сомнѣнія имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными міоами. Титмаръ говоритъ о рѣзныхъ украшеніяхъ только на внешней сторонѣ стѣнъ храма Ретрекаго; легко впрочемъ можетъ быть, что подъ выраженіемъ «руко-творные боги (*dii manufacti*)», надобно понимать не только идоловъ, но и барельефныя изображенія на стѣнахъ. — Не всѣ храмы были окружены прочными стѣнами: шные, подобно Рујевитову въ Коренищѣ, состояли изъ однихъ колоннъ, и завѣшиваемы были тканями снаружи, такъ-же какъ внутри ими завѣшивалось святилище. Поверхъ стѣнъ или колоннъ внешней

¹ Саксо грам. 823. Смотри ниже объ идолахъ.

² Подъ словами: *anake* и *rugriga* Саксо г. понималъ одно и то-же. Саксо грам. 837. 838.

части храма поднималась кровля, которая также была раскрашиваема, — и такимъ образомъ вся внѣшность храма представлялась пестрою. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны передней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предположить, что-бы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля на сколько-нибудь поднималась надъ серединою храма, то надобно думать, что поперечныя балки шли отъ внѣшнихъ стѣнъ или колоннъ только до колоннъ святилища, что потолокъ его шелъ подъ самую кровлю, — и, легко можетъ быть, оканчивался иногда тѣмъ-нибудь въ родѣ купола или фонаря. Такъ становится вѣроятнымъ то, что говоритъ Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, имъ описанныхъ, подъ которымъ стоялъ идолъ, и объ отверстіяхъ въ кровлѣ перваго храма, о пастройкахъ въ немъ сдѣланныхъ для наблюдений восхожденія солнца, гдѣ отмѣчались предсказанія и откуда раздавались по храму священные звуки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что недавно еще, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, существовалъ въ Силезскомъ городѣ Любусѣ (Leubus) храмъ, относимый знатоками къ языческому времени, въ которомъ святилище покрыто было полукруглымъ сводомъ, а подъ нимъ помѣщались хоры, такъ что все вмѣстѣ имѣло видъ купола¹. Съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, для чего, по описанію Масуди, служили эти куполы: все это совершенно согласно съ характеромъ язычества Славянскаго и съ обрядностію его богослуженія. — Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о внѣшнѣхъ храмовъ. Они не могли впрочемъ быть слишкомъ низки: иначе-бы, конечно, не могли казаться величественными, какъ казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣпію храмовъ христіанскихъ; по крайней мѣрѣ, ихъ низость была-бы кѣмъ-нибудь замѣчена. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не могъ быть ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ, т. е. ниже пяти аршинъ или около этого. Такъ можно заключить по тому, что говоритъ Саксо грамматикъ о Руѣвитовомъ храмѣ: когда его разрушали

¹ *Бюшингъ*, *Wöchentl. Nachrichten*. III. 198 и слѣд.

то стоило только сорвать завѣсы вѣшныя и внутреннія, чтобы вдоль сдѣлался виденъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая-же, что надъ головою идола въ святилищѣ оставалось пустое пространство, и что, сверхъ того, выше могли быть галлерей для тѣхъ, кто наблюдагь небесныя явленія или производигь священные звуки, о которыхъ пишетъ Масуди, не лзя не думать, что весь храмъ до верху кровли бывалъ не ниже десяти или двѣнадцати аршинъ по меньшей мѣрѣ. Само собо разумѣется, что храмы, подобныя тому, какой находился въ Арконѣ или въ Гупковѣ, должны были быть несравненно выше. Очень высокимъ долженъ былъ быть и храмъ Юлиискій, потому что въ немъ хранилось коше на вершинѣ столба удивительной вышины (*migae magnitudinis*)¹.—Храмы строились большею частію изъ дерева: такъ изъ дерева былъ построенъ и храмъ Ретрскій, и храмъ Арконскій, и другіе. Это очень естественно; потому что всѣ Славяне издавна были мастера къ постройкамъ деревяннымъ, и, живучи болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ камнемъ, могли болѣе и рагѣе привыкнуть къ дереву, чѣмъ къ камню. Изъ того однако, что о нѣкоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что всѣ Славянскіе храмы были деревянные. Есть, напротивъ, доказательства, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами нечистые духи спосили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ. Основываясь на такихъ преданіяхъ, ученые не перестаютъ искать на Рюгенѣ и въ другихъ мѣстахъ развалины, которыя-бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпнн храмовъ. Между Арабами также появились слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. И не одни подобныя преданія и слухи доказываютъ, что храмы были строимы и изъ камня: кое-гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ Саксонскомъ городѣ Ют-

¹ Эббо. 37. *Андрей*. II, 15. III, 9. *Гизебрехтъ*, ib. II, 281.

робогѣ былъ еще въ XVI вѣкѣ храмъ языческой, построенный изъ камня со сводомъ, низкою дверью и отверстіемъ противъ солнечнаго восхода¹. Такъ и въ Силезскомъ городѣ Любуцѣ былъ храмъ, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ². Кладбищенская церковь на горѣ Мартынской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма, что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странной формой, и ея положеніемъ³. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобныя остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германцевъ; но ни мѣстности, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, ни свидѣнія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія⁴. Не лзя тутъ опустить изъ виду и развалины древнихъ замковъ въ земляхъ Славянскихъ, которыхъ немало встрѣчаемъ въ Рудныхъ горахъ, Исполнахъ, Судетахъ, Карпатахъ и на горныхъ отрогахъ Придунайскихъ: характеръ постройки говоритъ о ихъ глубокой древности, а мѣстность, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, не позволяетъ сомнѣваться, что они Славянскіе. И если строились въ то время каменные замки, почему не могли строиться каменные храмы? О каменныхъ постройкахъ язычскоговъ Славянъ есть и свидѣтельства современниковъ: такъ Эббо говоритъ о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ; такъ Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ Ольги и пр.⁵ Не смотря однако на все это, не лзя оспаривать, что храмы каменные были у Славянъ рѣдки, что и самые богатые храмы были строимы изъ дерева, что въ большей части храмовъ изъ камня строилось развѣ одно только основаніе. — Вспомнивъ объ основаніяхъ храмовъ, на которыхъ въ послѣдствіи воздвигнута была не одна христіанская церковь, не лзя забыть того, что храмъ Ретрскій, по словамъ Титмара,

¹ *Диаконъ Ганнеманъ у Вагнера, Die Tempel etc. 63—64.*

² *Бюшингъ, ib. 200.*

³ *Клемма, Handbuch der german. Alterthumskunde. Dresd. 1836. 342.*

⁴ *Гриммъ, Deut. Myth. 57—77.*

⁵ *Эббо. 63. Несторъ. 23.*

воздвигнуть былъ на рогахъ звѣрей. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога обдѣльшаемы были въ священныя чаши, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго; рогъ держалъ въ своей рукѣ идолъ Свитовида, какъ рассказываетъ Саксо грамматикъ¹; рогъ употребляется до сихъ поръ для гаданій Лужицкими Сербами и Хорутанами; рога находятъ въ городищахъ: все это вмѣстѣ взятое позволяетъ думать, что рога имѣли для древнихъ Славянъ значеніе религіозно-символическое, и только какъ символъ клался въ основаніе храма, а не какъ дѣйствительный фундаментъ, который былъ-бы слишкомъ непроченъ. — Храмы были обращены главными входами на западъ, такъ что святилище было на востокъ отъ входа: съ запада былъ входъ въ храмъ Свитовидовъ, съ запада были два входа въ храмъ Ретрекій, между тѣмъ какъ восточный выходъ изъ ограды, ведшій къ морю, никому не былъ доступенъ. Востокъ считался не однимъ Славянами страной къ которой долженъ обращаться человекъ, возсылая молитвы къ Богу.

Храмъ былъ окруженъ дворомъ, обнесеннымъ оградой, которая, такъ-же какъ и храмъ, была украшаема рѣзными раскрашенными изображениями. Было-ли что въ дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ; можемъ впрочемъ предполагать, что было. Такъ думать заставляетъ уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли своихъ священныхъ коней, для которыхъ должно было быть помѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершались гаданія конями. Кромѣ того, храмы бывали богаты разными драгоценностями, множествомъ вещей, приносимыхъ въ даръ, которыя накопляясь не могли помѣщаться въ храмахъ; а съ другой стороны, въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю Славянъ, начиналось шествіе, которое не могло всегда и для всѣхъ совершаться подъ открытымъ небомъ: для того и для другаго должны были быть при храмахъ отдѣльныя постройки. Такими и были при Штетинской контингѣ Триглава три меньшія континты: полагаю, что онѣ всѣ были на одномъ

¹ Эббо. 105 Саксо грам. 823.

дворѣ. Притомъ-же, многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ мѣстахъ: жрецы и другіе служители храма не могли не имѣть своихъ жилищъ близъ храма—и для совершенія служенія всегда, когда было нужно, и для охраненія храма и его богатствъ. Можно также предположить, что въ одномъ и томъ-же дворѣ бывало иногда и по нѣскольку храмовъ: такъ было, кажется, въ Кореницѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подлѣ другаго¹.—Не лзя опустить изъ виду, что большая часть храмовъ стояли уединенно, неокруженные жилищами прихожанъ: это заключить можно изъ описаній—и трехъ храмовъ у Масуди, и храма Ретрскаго у Титмара, и храмовъ Руянскихъ у Саксона грамматика, и храма Мальховскаго у Саксона хронографа. Стоя уединенно, они бывали защищаемы крѣпостными валами отъ вражескихъ нападеній, и во время войны въ этихъ храмовыхъ крѣпостяхъ окрестные жители находили убѣжище, строя въ нихъ для себя временныя жилья, какъ знаемъ о Кореницѣ. Не мудрено, что со временемъ съ понятіемъ о храмѣ соединилось понятіе о священномъ, ненарушаемомъ убѣжищѣ для всякаго, кто поручалъ себя подъ защиту бога, въ немъ поклоняемаго².

Есть нѣсколько указаній, что идоламъ поклонялись и въ храмовъ. Такъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы; такъ въ пѣснѣ «о великомъ пораженіи» въ Краледворской рукописи, есть намекъ, что идолы ставились просто подъ деревьями; такъ узнаемъ и изъ Ибнъ-Фоцлана, что Русскіе купцы въ Итилѣ поклонялись идоламъ подъ открытымъ небомъ³. Тѣмъ не менѣе, идолослуженіе господствовало преимущественно въ храмахъ, и не было храмовъ безъ идоловъ, или, лучше сказать безъ разнаго рода изображеній божествъ⁴. Вотъ почему, говоря о храмахъ, надобно говорить и объ идолахъ, и вообще объ изображеніяхъ божествъ, какъ о необходимыхъ принадлежностяхъ храмовъ.—Они были не только изваянныя, но

¹ Саксо грам. 843.

² Гельмольдъ. I, 83.

³ Несторъ, 23, 34. Краледа. рцсь. VI, 42—45. Ибнъ-Фоцланъ. 7—9.

⁴ Титмаръ. VI, 18. Гельмольдъ. I. 83.

и рисованныя. Обѣ изображенія божествъ, нарисованныхъ на знаменахъ, упоминаетъ Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ, неизвѣстнаго имени, богиняхъ Лютичей, изображенныхъ на знаменахъ; въ другомъ мѣстѣ о знаменахъ боговъ, которыя брались изъ храма только во время военныхъ походовъ и сохранялись особенными жрецами'. У Яровита были свои знамена, какъ вспоминаетъ Эббо². Имѣли ихъ и Святовидъ, и ими защищали Руяне свои храмы отъ нападенія враговъ. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица³. «Оно было — говоритъ Саксо грамматикъ — отлично по величинѣ и по цвѣту, и почитаемо народомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Нося его передъ собою, они считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божеское, и все считали себѣ дозволеннымъ. Съ нимъ они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ пенатовъ Руянскихъ разрушать и сжигать, — и власть этого небольшого куска полотна была сильнѣе власти Княжеской»⁴. Изъ того, что изображенія боговъ рисовались на знаменахъ, можно заключить, что бывали рисованныя изображенія и на деревѣ; притомъ-же, какъ были раскрашиваемы изображенія рѣзные, такъ могли быть раскрашенныя изображенія на деревѣ безъ всякой рѣзбы. Что касается до рѣзныхъ изображеній, то объ нихъ говорятъ Титмаръ, Саксо грамматикъ и жизнеописатели св. Оттона Бамберскаго. Титмаръ упоминаетъ о чудесныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ боговъ и богинь на вѣнечной сторонѣ стѣнъ храма; Саксо грамматикъ — объ искусно вырѣзанныхъ и грубо раскрашенныхъ фигурахъ, покрывавшихъ заборъ вокругъ зданія храма; Сефридъ — о рѣзныхъ изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей на вѣнечной и внутренней сторонѣ стѣнъ храма, такъ искусно сдѣланныхъ, что онѣ казались дѣшавшими

¹ Титмаръ. VI, 17. VII, 47.

² Эббо. 71.

³ Въ подлинникѣ Stanicia: можно читать «стангца», производя отъ стагъ (ср. Нем. Stange); читая «станца» можно его слѣчить съ Срб. «застава».

⁴ Саксо грам. 830—831.

и живыми'. О такого-же рода изображенійхъ говоритъ и Масуди: «подъ правой ногой идола Сатурна изображены были разнаго рода муравьи, а подъ лѣвою черныя вороны и другія подобныя птицы; тамъ-же были и странныя изображенія Абиссинявъ и Эфіопявъ»². Безъ сомнѣнія, всѣ такіа изображенія имѣли отношеніе къ мифологіи древнихъ Славянъ.

Что касается до собственныхъ идоловъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ принадлежатъ Масуди. «Въ храмѣ, стоявшемъ на Черной горѣ есть — говоритъ онъ — большой идолъ, изображающій Сатурна въ видѣ старца, держащаго въ рукѣ палицу, которою онъ перерываетъ кладбищныя кости мертвецовъ... Въ храмѣ-же надъ морскимъ заливомъ есть большой кунюль и подъ нимъ стоитъ идолъ, члены котораго сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ — зеленого хризолита, краснаго рубина, желтаго сердолика и бѣлаго кристалла; а голова его изъ червонаго золота. Противъ этого идола стоитъ другой, изображающій дѣву»³. Другой Арабскій писатель, Ибнъ-Фозланъ, сообщаетъ краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ: — «высокій деревянный истуканъ — по его словамъ — съ лицомъ, подобнымъ человѣческому, стоялъ окруженный небольшими истуканами, а за ними стояли еще другіе высокіе истуканы»⁴. Столь-же краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ находимъ и у Нестора. Упомянувши мимоходомъ, что во время Игоря идолъ Перуна стоялъ на холмѣ, онъ говоритъ о Владимірѣ: — «И начаше княжити Володимерь въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму въ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а оустъ златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь... И пришедъ Добрыня Новгороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ»⁵. Далѣе, пересказывая убѣжденія Римско-католиковъ, чтобы Владиміръ принялъ ихъ вѣру,

¹ *Титмаръ*. VI, 17. *Саксо грам.* 822 *Сефридъ*. 105—106.

² *Масуди*. 320.

³ *Масуди*. 320—321.

⁴ *Ибнъ-Фозланъ*. 9.

⁵ *Несторъ*. 23, 34.

онъ заставляетъ ихъ сказать, — что «вѣра бо наша свѣтъ есть, а бози ваши древо суть». Тѣ-же слова говоритъ у Нестора и Варягъ, котораго сънъ обреченъ былъ въ жертву богамъ: «не суть бо бози, но древо»¹. Потомъ Несторъ рассказываетъ, что Владиміръ, принявши крещеніе и возвратясь въ Кіевъ, «повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣщи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи ко хвосту и влещи с горы къ Боричеву на Ручаи, Ви мужа пристави тети жезлемъ. Се же не яко древу чююцю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ челоувѣкы, да възмездье приметь отъ челоувѣк... И привлекше вринуша и въ Диѣирь. И пристави Володимеръ рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣвайте его отъ берега, дождеже пороги проидеть, то тогда охабитеся его... И постави (Володимеръ) церковь св. Василья на холмѣ идеже стояше кумиръ Перунъ и прочи»². О Перунѣ Новгородскомъ сообщаетъ намъ павѣстіе лѣтописи Новгородская:—«Приде къ Новгороду Акимъ Архієпископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ; поверзавше ужи волочаху по калу, бующе жезлемъ, и заповѣда никомужъ индѣ же не пріяти. И се иде Пидиблянинъ рано на рѣку, хотя горницы везти въ городъ; и снѣде Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ»³. О разрушеніи кумира Велесова въ Ростовѣ св. Аврааміемъ упомянуто въ Прологѣ⁴.—Идоламъ поклонялись и Поляки: Длугонъ упоминаетъ о святищѣ идолослуженія въ Гигизѣ и объ идолѣ Дѣваны, а Бѣльскій—объ идолослуженіи въ храмѣ Краковскомъ⁵; изъ Титмара знаемъ объ идолослуженіи въ Коло-

¹ Несторъ. 35—36.

² Несторъ. 50.

³ Новгород. Лѣт. въ Продолж. Рос. Вѣст. II. 110—111.

⁴ Карамзинъ, II. Г. Р. пр. 291. О словѣ кумиръ см. Добровскаго Грам. Слав. I. 269—271. *Копитара*, Glagolita Clozian. Vindob. 1836. 75. (Срав. хрт. куман—пшаница, отъ пшаницы покрасившій). *Истуканъ* отъ *истукаю*—выпашаю: *Панца Берюнда*, Лехіковъ. 1627 чд.

⁵ Длугонъ. V, 9. *Бѣльскій*, Kronika Pol. Warsz. 1820. I. 120.

брегѣ', а изъ жизнеописаній св. Оттона Бамберскаго о Штеттинскомъ идолѣ Триглава. Идолъ этотъ изображался съ тремя головами въ знакъ того, что управлялъ тремя царствами — небомъ, землею и адомъ; а глаза его и губы покрыты были повязкою въ знакъ того, что онъ не имѣлъ понятія о грѣхѣ. Одинъ изъ идоловъ Триглава былъ изъ золота, у другаго головы были посеребренны, а повязка золотая и пр.' — Триглавъ былъ извѣстенъ и Чехамъ, какъ видимъ у Вацерада; но, по его описанію, головы Чешскаго Триглава были козьиныя³. О другихъ идолахъ Чешскихъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣденій; у Козьмы Пражскаго есть только общій намекъ о существованіи идоловъ⁴. — Самыя любопытныя извѣстія имѣемъ о нѣкоторыхъ идолахъ Балтійскихъ Славянъ. Видукиндъ упоминаетъ объ идолѣ Сатурна, выштомъ изъ мѣди⁵. За тѣмъ слѣдуютъ сказанія Титмара и Адама Бременскаго объ идолахъ Ретрскихъ. «Внутри храма Редигостскаго — говоритъ Титмаръ — стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и латы; на каждомъ наръзано его имя. Первый изъ нихъ Сварожичъ». У Адама Бременскаго мѣсто Сварожича занимаетъ Радагастъ: идолъ его сдѣланъ былъ изъ золота, а ложе изъ пурпуровой ткани⁶. Хронографъ Саксо упоминаетъ объ идолахъ Маликовскихъ; Пулкава о треглавомъ идолѣ Браниборскомъ; Гербертъ о множествѣ идоловъ Браниборскихъ; Эббо о Яровитѣ Гавельберскомъ, давая мимоходомъ намекъ, что идолъ этотъ имѣлъ свои собственныя одежды; Андрей объ огром-

¹ *Титмаръ*. VII, 52. Польское названіе идола balwan (слово, впрочемъ, извѣстное почти всемъ Славянамъ) сравнено Шварникомъ съ Келт. словомъ reulwan *Slow. Staroz.* 324. Сравни. Лит. balwonas и Мадьяр. balvany.

² *Сефридъ*. 106. Эббо. 64. *Анонимъ Сантакруц.* II. 12.

³ *Вацерадъ*, ib. 227.

⁴ *Козьма Праж.* 10. Чешское названіе идола modla Юнгманъ производитъ отъ modella (*Slownik.* II. 481). Чешское Слово malik (визанецъ) Гриммъ сравниваетъ съ Гот. названіемъ идола manleika (*Ahd.*: manalihho): каждому Славянину очевидна неправильность сравненія; впрочемъ Хорут. слово malik (чертъ) идетъ въ сравненіе. *Гриммъ*, *Deut. Myth.* 93.

⁵ *Видукиндъ*. III. 68.

⁶ *Титмаръ*. VI, 17. *Адамъ Брем.* IV, 47.

ныхъ, искусно изваянныхъ идолахъ храма Гупцовскаго; Гельмольдъ объ идолахъ Радагаста, Святовида, Подаги и пр., замѣчая притомъ, что идолами и пенатами были полны всѣ города, и что многіе изъ нихъ были изображаемы съ двумя, тремя и болѣе головами; Саксо грамматикъ объ идолѣ Ростокскомъ и объ идолахъ Руянскихъ¹. Особенно подробно описаны Саксономъ грамматикомъ эти послѣдніе. Объ идолѣ Святовида пишетъ онъ слѣдующее:—«Въ храмѣ стоялъ большой, выше человѣческаго росту, истуканъ, съ четырьмя головами на столбикхъ-же шельхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налево; а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Руянъ. Въ правой рукѣ идолъ держалъ рогъ изъ разныхъ металловъ, которыйй каждагодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука изогнута была лукомъ и упиралась о бокъ. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнями, что при внимательномъ только разсматриваніи можно было это примѣтить. Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узда и сѣдло кумира и другія принадлежности. Болѣе-же всего наблюдателя изумлялъ огромной величины мечъ, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзьбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкою². Изъ идоловъ Кореницкихъ, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, идолъ Рујевита, сдѣланный изъ дубоваго дерева, имѣлъ подъ однимъ черепомъ семь лицъ, подобныхъ человѣческому; семь-же мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ полѣ, а восьмой, вынутый изъ ноженъ, идолъ дер-

¹ *Хронографъ Саксо* подл. 1148 г. *Пулкова* подл. 1156. Грамота Герберта у *Гергена*, Codex dipl. Brand. V. 1114. стр. 342. *Гельмольдъ*. I, 2, 6, 21, 23, 36, 71, 83. II, 12. *Саксо грам.* 763. *Эббо*. 179.

² *Саксо грам.* 823—824.

жалъ наголо въ правой рукѣ, и былъ онъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Толстотою превосходилъ идолъ человѣческое тѣло; а высокъ былъ такъ, что Абсалонъ (будучи самъ очень высокаго росту) едва могъ достать его подбородка своимъ ручнымъ топоромъ»¹ — слѣдовательно около 5 аршинъ. Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, но безъ оружія; идолъ Поренута имѣлъ четыре лица, а пятое было на груди; лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка. Книглингга-сага, давая Кореницкимъ идоламъ названія Ривита, Турупиды и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руянскихъ идолахъ Пизамара и Чарноглава, и называлъ послѣдняго богомъ побѣдъ, говоритъ, что онъ изображался съ серебряными усами². — Вотъ почти все, что извѣстно объ идолахъ Славянскихъ; потому что идоловъ, будто бы найденныхъ въ Прильвицѣ, и описаній идоловъ, подобныхъ тѣмъ, которыя находимъ у Ботона, въ *chronica picturata*, нельзя не считать безсмысленной поддѣлкой³. — Припоминая сказанія, выше приведенныя, видимъ, что идоловъ у Славянъ было множество, что города были полны ими⁴. Они были разной величины, и небольшие и огромные, пяти аршинъ и болѣе. Большею частію вырѣзаны они были изъ дерева, раскрашены или посеребрены и позолочены; иные-же были изъ чистаго металла, мѣди, серебра,

¹ *Саксо грам.* 842.

² *Саксо грам.* 843.

³ *Книглингга-Сага.* 122. стр. 350.

⁴ См. о нихъ *А. Г. Маши*, *Die gottesdienst. Alterthümer der Obotriten.* Berl. 1771. *Beiträge.* Schwerin. 1774. *Потоцкаго*, *Voyage dans la Basse-Saxe.* 1794. *Левецова*, *Ueber die Aechtheit der sogenan. Runendenkmäler.* Berl. 1835. *Булгарина*, *Россія.* СПб. 1837. *Исторія* I, 225 и слѣд. Вышеки изъ Ботона и другихъ подобныхъ смотр. у *Нарушевича* (*Hist. Pol. nar. I.* Warsz. 1824. 313—406, гдѣ помѣщенъ Словарь мифологін Слав.) и *Гануша* (*Die Wissenschaft des Slav. Mythus.* Wien. 1842), которые безъ всякой критики пользовались всемъ, чѣмъ могли. Въ этомъ-же родѣ и *Ингемана Grundtræk til en nordslavisk Gudeleere* (Швед. переводъ въ *Neue Provinzialblätter* IV. 119 и слѣд.), основанный на Прильвицкихъ поддѣлкахъ.)

⁵ *Гельмольдъ.* I, 52.... penates, quibus agri et oppida redundabant. Не позволено себѣ рѣшить, что тутъ должно понимать подъ *penates*.

золота, а если вѣрить преданіямъ восточнымъ, то и изъ дорогихъ камней;—и сдѣлавы были съ искусствомъ, могшимъ изумлять просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторые изъ идоловъ имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двумя, тремя и болѣе головами, или съ нѣсколькими лицами; но, кажется, все имѣли типъ человѣческой. Они рисовались въ одеждѣ, частью рѣзной изъ дерева или литой изъ металла, частью спитой изъ ткашей, и почти всегда вооруженные. Оружія и другія подобныя принадлежности, кромѣ того что было въ ихъ рукахъ, расположены были вокругъ нихъ. Идоламъ придавали большею частью стоячее положеніе; но у иныхъ были и сѣдалища или лежа.—Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. Такъ пишетъ Лѣтописецъ:—«Совлекоша идола въ Волховъ, а въ Перуиѣ бѣсъ, и начатъ кричати: охъ миѣ, охъ! и плыви внизъ вверже палицу на мостъ: еще кто не крещеніи поминайте и бойтеся безумніи челоуѣци, на мосту семъ»¹. Такъ и Саксо грамматикъ, рассказывая о разрушеніи святилища Святовидова въ Арконѣ, прибавляетъ, что когда идолъ упалъ на землю, то духъ его выбѣжалъ изъ храма въ образѣ черного звѣря².

Упомянуто было о принадлежностяхъ идоловъ, хранившихся въ храмахъ близъ самыхъ идоловъ. Все эти вещи почитались, вѣроятно, также священными. О нѣкоторыхъ изъ нихъ знаемъ изъ сказаній современниковъ, и, судя по известнымъ, все они носили на себѣ, подобно идоламъ, характеръ воинственности. Выше уже было говорено о знаменахъ: если нѣкоторые изъ нихъ были съ изображеніями божествъ, то были другія и безъ изображеній, и какъ принадлежности божества, управлявшаго ротами воиновъ, считались священными. Идолы въ храмѣ Ретрескомъ, какъ мы видѣли, были одѣты въ панцири и шлемы. У Яровита былъ щитъ, большой, искусно обдѣланный, покрытый золотомъ, неприкосновенный, и употреблявшійся на войнѣ, какъ вѣрная защита противъ враговъ. Изображеніе солнца,

¹ *Лѣтописецъ*. М. 1781. 34.

² *Саксо грам.* 838. Сраб. *Андря* III, 9.

хранящееся въ Монбжу, въ Берлигѣ, имѣеть то-же видъ щита¹. Геннило принадлежалъ жезлъ съ рукою, держащую желѣзный обручъ; Перунъ имѣлъ свою палицу². Идолъ Рујевица вооруженъ былъ восемью мечами; между принадлежностями Святовида былъ также мечъ. При гаданьяхъ, какъ увидимъ ниже, употреблялись копыя; въ Юлигѣ какъ святость хранилось копые на высотѣ большаго столба³. Принадлежностями идоловъ были и рога, какъ замѣчено уже выше. Нѣкоторымъ изъ боговъ посвящены были кони, по которымъ совершали гаданья: узды и сѣдла считались принадлежностями этихъ боговъ.—Къ числу такихъ принадлежностей должно причислить и орловъ Святовида, вѣроятно рѣзныхъ, которые вмѣстѣ съ знаменами употреблялись въ войнѣ⁴.

Храмы, священные для поклонниковъ какъ мѣста долослуженія, требовавшіе издержекъ для содержанія и украшенія своего, не могли не быть обогащаемы дарами произвольными и обязательными. Они имѣли собственныя свои поля и земли⁵, можетъ быть и своихъ рабовъ, — и кромѣ того обогащались вкладами, военной добычей, выкупами военнопленныхъ, положенною данью съ народа, пошлюю съ промышленниковъ и торговцевъ, наконецъ данью покоренныхъ народовъ.—Вклады были и отъ частныхъ лицъ, и отъ народныхъ общинъ⁶. О дарахъ общественныхъ говоритъ Титмаръ: храму Ретрскому молились Лютитчи, отправляясь на войну, а по счастливомъ окончаніи войны приносили ему должныя дары⁷. Въ примѣръ частнаго дара можно привести драгоцѣнную чашу, подаренную Святовиду Арконскому Датскимъ королемъ Свенономъ⁸. Въ храмахъ Славянскихъ бывали и вкладныя ящики, въ которые поклонники бро-

¹ Эббо. 60. *Leдебуръ*, Die Königl. Museum im Schl. Monbijou. Berl. 1838. 23—24.

² *Титмаръ*. VII, 50. Лѣтописецъ. М. 1781 34.

³ *Андрей*. III, 9.

⁴ *Саксо грам.* 830.

⁵ *Саксо грам.* 825, 834.

⁶ *Саксо грам.* 826.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17.

⁸ *Саксо грам.* 825—826.

сами то, чѣмъ желали почитать свое божество, какъ это знаемъ изъ Эббона и изъ Кирхбергова перевода хроники Гельмольда'. — Храмы, имѣвшіе своихъ собственныхъ воиновъ, обогащались добычей, которую они собирали: такъ Арконскій храмъ Святовида имѣлъ 300 воиновъ, которые должны были отдавать въ пользу храма всю свою добычу². Саксо грамматикъ говоритъ еще о третьей долѣ военной добычи, а Сефридъ о десятой долѣ, какъ собственности храма³. Гельмольдъ также упоминаетъ о томъ, что Славяне любили обогащать свои храмы драгоцѣнными, которыя набирали во время походовъ. Изъ него-же узнаемъ, что Славяне обогащали свои храмы выкупали плѣнныхъ⁴. — Кромѣ этихъ приношеній произвольныхъ, условливаемыхъ почитаніемъ храмовъ и обычаемъ, были и непроизвольныя, которыхъ храмы ожидали какъ собственности. Такова была дань народная: каждый, и мужчина и женщина, долженъ былъ въ годовой праздникъ Святовида дать монету⁵. И не только принимавшіе участіе въ празднествѣ, но и всѣ области должны были посылать свою дань: Гельмольдъ говоритъ объ этомъ въ отношеніи къ храмамъ Святовида Арконскаго и Радагаста Ретрскаго⁶. Кромѣ того торговцы, если желали что покупать или продавать, должны были прежде принести, какъ дань храму, что-нибудь драгоцѣнное. Кушцы, занимавшіеся сельдяной торговлей, должны были также, прежде начатія закуски сельдей, принести законную дань Святовиду⁷. Самые покоренные народы обязаны были платить дань божеству: таковъ былъ обычай, покрайней мѣрѣ, у Рулицъ въ отношеніи къ храму Святовида⁸. — Не мудрено послѣ этого, что въ храмахъ Славянскихъ накопились сокровища, удивлявшіе

¹ Эббо. 56. Кирхбергъ. 53 (Jahrbücher für Slaw. Literatur. 1843. 405).

² Саксо грам. 825.

³ Саксо грам. 825. Сефридъ. 105.

⁴ Гельмольдъ. I, 38.

⁵ Саксо грам. 825.

⁶ Гельмольдъ. I, 21.

⁷ Гельмольдъ. I, 6. II, 12.

⁸ Гельмольдъ. I, 36.

современниковъ, что храмы имѣли средства изумлять ихъ богатствомъ своихъ украшеній: тамъ видѣли во множествѣ серебро и золото, драгоценныя камни и ткани, различныя прекрасныя вещи. Легко понять, что Арабы, слыша объ этихъ богатствахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ храмы Славянскіе иначе и впадать въ преувеличенія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обряды богослуженія.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ: О ЖРЕЦАХЪ И ИХЪ ВАЖНОСТИ ВЪ ЖИЗНИ И БОГОСЛУЖЕНІИ.

Полные вѣры въ могущество своихъ боговъ, страха къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благодѣлье, Славяне разными способами старались выразить передъ ними свое благоговѣніе и покорность, отвратить отъ себя ихъ негодованіе, заслужить ихъ милосердіе и помощь, и въ часы богослуженія сходились поклоняться богамъ. Они молились имъ, приносили жертвы, посредствомъ гаданій старались узнать ихъ волю и свое будущее: молитвы, жертвоприношенія и гаданія составляли три главныя части богослуженія языческихъ Славянъ. Богослужебные обряды совершались иногда и безъ пособія жрецовъ; но были и жрецы, какъ лица, посвященныя въ тайны религіи и ея обрядовъ. Правда, что въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ; но изъ этого еще не лзя заключать, что у Славянъ, извѣстныхъ Византійцамъ и Арабамъ, точно не было жрецовъ: если допустить, что условія и формы богослуженія были одинаковы у всѣхъ Славянъ, то нельзя не допустить, что и жречество, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условій, существовало также повсюду. Къ тому-же, всѣ Славяне сохра-

или или преданія о знахаряхъ и колдунахъ, или и вѣру въ нихъ, и притомъ то и другое такъ разительно одинаково запечатлѣлось въ умахъ различныхъ вѣтвей Славянскаго племени, что невольно смотришь на все это, какъ на остатокъ отъ стараго языческаго времени, когда знахари и колдуны могли быть единственными хранителями религій народа. Что касается до положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, то ихъ имѣемъ о жрецахъ Русскихъ, Польскихъ, Балтійскихъ и Чешскимъ Славянь. — Составляли-ли жрецы касту, совершенно отдѣльную отъ народа, не знаемъ, не имѣя никакого понятія о ихъ жизни домашней. Не знаемъ и о томъ, кто выбиралъ въ достоинство жрецовъ. По одному намеку Титмара, который можно понимать различно, еще нельзя рѣшить, что народъ выбиралъ ихъ всегда и всюду¹. Если народъ и участвовалъ въ избраніи, то кто-же ручался за достоинство выбора, за знанія избраннаго, за его умѣнье исполнять обряды. Необходимо предположить и участие другихъ жрецовъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины не сомнѣваться въ существованіи жреческой іерархіи: современники отличали не только разные роды жрецовъ, но и жрецовъ низшихъ разрядовъ отъ жрецовъ высшихъ. Особенно ясно отличается это Саксо грамматикъ, замѣчающій, что храмъ Арконскій былъ подъ вѣденіемъ высшаго жреца, а другіе храмы, посвященные тому-же Святovidу, управлялись жрецами меньшаго достоинства и меньшей власти². Если жрецы и не составляли касты, то все-же были отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ классовъ народа. Ихъ отличала самая одежда: такъ объ одномъ изъ жрецовъ знаемъ, что онъ отличался отъ народа длинными волосами, заплетенными въ косу, и бородой; о другомъ, что его священническая одежда была бѣлая; еще объ одномъ, что онъ имѣлъ палицу³. Жрецы принадлежали къ высшему разряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства,

¹ Титмаръ. VI, 17

² Саксо грам. 826.

³ Саксо грам. 824. Сефридъ. 128. Эббо. 79. и пр. Марескалкъ. Тур-Annal. Herul. IX. (Jahrbücher für Slav. Lit. 1844 95—96).

предсѣдали въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли мѣстными, владѣли богатствами¹. Особенно почитаемы были жрецы на островѣ Руанѣ, гдѣ имъ былъ подчиненъ не только народъ, но и самъ князь²: не мудрено, что было такъ и въ другихъ мѣстахъ. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важною въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святостей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, объ употребленіи даровъ, приносимыхъ божествамъ, на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, распространителями ихъ между народомъ; они были главными посредниками между божествомъ и человекомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій.—Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилища и очищать его³. Жрецы заботились о священныхъ коняхъ, одни могли пасти ихъ и садиться на нихъ⁴. Жрецы берегли изображенія божествъ и знамена, и всѣ богатства храмовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Титмаръ и Саксо грамматикъ⁵. Жрецы были хранителями и истолкователями вѣрованій, и для этого обращались иногда къ молеельщикамъ съ увѣщаніями. Примѣромъ подобнаго увѣщанія можетъ служить то, которое было обычно на праздникѣ Святовида: при концѣ богослужебнаго обряда жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога, и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая вѣрною наградою за богопочитаніе побѣды на сушѣ и въ морѣ⁶. Что такія увѣщанія были и при другихъ случаяхъ, хоть и не всегда принадлежали къ богослужебному обряду, видно и изъ того, что жрецы болѣе всего настаивали народъ оставаться при вѣрѣ предковъ⁷. Жрецы были исполнителями богослужебныхъ обрядовъ: такъ жрецу принадлежала обязанность служенія Святовиду въ Арконѣ⁸;

¹ Эббо. 65, 76. Сефривъ. 128, 158. Гельмольдъ. I, 83. II, 12.

² Гельмольдъ. II, 12.

³ Саксо грам. 826.

⁴ Саксо грам. 826. Сефривъ. 109.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 825.

⁶ Саксо грам. 825.

⁷ Эббо. 65. Сефривъ. 128.

⁸ Саксо грам. 824.

такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ видимъ изъ свидѣтельствъ современниковъ. Не припоминая здѣсь всего, что должно войти въ разсмотрѣнiе самыхъ обрядовъ, укажу на важнѣйшiя свидѣтельства, упоминающiя объ участiи въ этомъ случаѣ жрецовъ. Жрецы возносили молитвы къ божеству: такъ Титмаръ говоритъ, что жрецы сходились въ храмъ умолять гнѣвъ боговъ, и, совершая гаданiя, поочередно шептали тайныя слова—безъ сомнѣнiя — молитвы, которыми просили божество раскрыть свою волю и будущее; такъ и Саксо грамматикъ, описывая обрядъ богослуженiя въ храмѣ Арконскомъ, рассказываетъ, что жрецъ, наполнивъ рогъ свѣжимъ виномъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенiя и побѣды¹. Жрецы были возносителями жертвъ, не всегда, но во многихъ случаяхъ—и самыхъ важныхъ. Изъ Титмара знаемъ, что жрецы приносили жертвы въ храмѣ Ретрскомъ; Гельмольдъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что жертву заколалъ жрецъ, и по закланiи пилъ ея кровь, а въ другомъ, что жрецъ приносилъ иногда въ жертву христiанина, на котораго падалъ жребiй². Что жрецъ былъ жертвоприноситель, это показываетъ самое его названiе, хотя впрочемъ оно употребительно только въ Старославянскомъ и Русскомъ³. Другое названiе жреца въ смыслѣ жертвоприносителя есть «колдунъ»: для объясненiя этого слова, кромѣ многого другаго, слушать и то, что въ Хорутанскомъ нарѣчiи «калдовати» до сихъ поръ значитъ приносить жертву, «калдовавцъ»—жрецъ, а «калдовница» или «калдовише»—жертвенникъ⁴. Жрецы были и гада-

¹ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам 824.

² Титмаръ. IV, 17—18. Гельмольдъ. I, 52. II, 12.

³ Жрецъ отъ жертвы. См. ниже примѣчанiе о словѣ: жертва, стр. 84.

⁴ Гутсманъ, Deutsch-Windisches Wörterbuch. Klagenfurt. 1789. 255—256. Въ другихъ нарѣчiяхъ kaldun—внутренности и т. п. (ср. Нѣм. Kaldaunen). Славянскiй корень есть: кльд=колд=калд=клюд=куд (какъ тльк=толк=талк=тук и пр.). Клюдити=клюдити въ Чеш. значить очищать, собирать жатву, -успокоивать, -отнимать, уничтожать (могъ мнохо lidí klidí). Кудити въ Срб. значить — произносить бранныя слова, заговаривать, -презирать, -удалить). Тутъ смѣшаны два корня — куд=кльд и куд=кужд (куд). Отъ втораго

телями, истолкователями прорицаний: Несторъ рассказываетъ о волхвахъ, отгадавшихъ смерть Олегу; хроника Лаутербергская о ворожеѣ, пророчившей побѣду Владиславу Тонкононому; жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго о жрецѣ, совершавшемъ гаданія конемъ въ Штетинѣ, о ворожеяхъ и жребіеметателяхъ, которыхъ имѣть запрещалъ св. Оттонъ, и пр.; Титмаръ говоритъ о жрецахъ, гадавшихъ жребіемъ и конемъ; Гельмольдъ— о важности жреца Арконскаго, какъ истолкователя гаданій, —объ обычаѣ жрецовъ пить кровь жертвы для того, что бы одушевить себя силою пророческой, и пр.; Саксо грамматикъ—о томъ, что жрецъ гадаетъ объ урожаѣ будущаго года по вину, наливаемому въ рогъ Святovidовъ, и совершалъ гаданія конемъ; Козьма Пражскій—о княгинѣ Любушѣ какъ о прорицательницѣ, —еще объ одной вѣщунѣ, совѣтовавшей исполнить волю боговъ для одержанія побѣды, —о томъ, что князь Брячиславъ изгналъ изъ края всѣхъ маговъ, гадателей, жребіеметателей; пѣсни Краледворской рукописи «о пораженіи Татаръ» упоминаетъ о «чародѣяхъ, гадачахъ, звѣздохъ и кудесникахъ», гадавшихъ о томъ, кто будетъ побѣдителемъ; Вацерадъ—о «гадачахъ, пророкахъ, птицегадателяхъ, вѣщахъ, волхвцахъ и волхвицахъ», и пр.* Изъ всего

корня въ Срб. происходятъ слова: *кућеник* (ругатель) *кућенје* (клевета); въ Хрт: *кудити* (бранить), *кујати* (дуть, дышать, — шептать?); въ Чеш: *кудити* (бранить), *кудолъ* (густой дымъ; срав: *чуд-запахъ*), *кузло* (чара), *кузити* (чаровать), *кузелникъ* (кудесникъ), *паскуда* (нечистота), *паскудити се* (ругаться, ссориться), *паскудикъ* (rheuma); въ Поль: *паскуда* и пр., въ Рус: *кудо кудеса* (срав: чудо, чудо), *кудесникъ*, *куделаръ*, *скудный*, *паскудитъ*, *прокудитъ* и пр. — В. С. Караджичъ, Срб. Рѣченик. 349. *Ј. Ступли*, Rjecoslozje. Dubrawnik. 1806. I. 364. *Ярникъ*, Etymologik. 152. *Мурко*, Slov. Ném. Besednik. Gradez. 1833. I. 153. *Юнманъ*, Slownik. I, 321 II, 40, 216. III, 37. *Линде* Slownik. II. 641.

* *Литописецъ*. М. 1781. 9. Хроника Лаутербергская у *Вишневскаго*, Hist. Liter. Pol. I. 274 — 275. *Сейфридъ*. 109. *Титмаръ*. VI, 17. *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12. *Саксо грам*. 824, 827. *Козьма Праж.* 11, 20, 27, 197. *Краледвор. пѣсь*. III, 47 — 60. *Вацерадъ*. 212, 222, 223, 229. Значеніе слова *вѣщецъ* понятно. О словѣ *Кудесникъ-Kouzednik*, см. выше. Что же касается до слова *волхвъ* (вльхвъ-вльхвъ), то Копитаръ производитъ его отъ «вльсикти»

этого видно, какъ разнообразна была важность жрецовъ, какъ разнообразны были ихъ должности и разряды. Замѣчательно что къ сословію жрецовъ могли принадлежать и жрицы и какъ кажется тѣ, которыя обрекли себя на жизнь цѣломудренную — или дѣвицы, посвятившія себя богу, или старухи, отжившія свою сѣмейную жизнь: вспомнимъ, что было выше сказано о дѣвахъ огнеслужительницахъ, о дѣвахъ съ жреческимъ значеніемъ при совершеніи суда по обычаю Любуши; вспомнимъ о старухахъ знахаркахъ, до сихъ поръ остающихся въ народѣ, и т. д.

II.

МОЛИТВЫ СЛАВОСЛОВНЫЯ, ПРОСИТЕЛЬНЫЯ И БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ.
МОЛИТВЫ-ПѢСНИ.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицемъ самаго божества, не лзя было садиться, надобно было удерживать въ святилицѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молельцы выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные.—Въ Русской пѣснѣ о жертвоприношеніи во время праздника Коляды упомянуты, какъ принадлежность мѣста богослуженія, скамьи вокругъ огня, на которыхъ сидѣли молельцы, окружая старика жреца¹;

(въсѣжженъ изъязы—linguae balbutientes Glagol. Cloz. 69.). Въ Благ. нар. есть до сихъ поръ *волхвъ*=*волхв* (прорицатель) и *волшина* (бравъ); въ Хри: есть *вухвецъ*=*вуховец* (python) и *вухвица* (pythonissa). См. *1. Бялостенца, Sazorhyaciun Latino-Sliric. Zagrab. 1740. I, 1005. II, 588.* Въ Вологод. (а можетъ быть и въ друг.) губерни. есть *волхатъ* (колдунъ) и *волхатка* (ворожея); въ Мрус. есть *волшити* (хитрити). Въ Лаврент. спискѣ Нестора стоитъ «Волхве» (вин. пад. «Волхви») вмѣсто «Волохове» другихъ списковъ. *Несторъ*, ів. 10-11. Пѣсню о чародѣй Волхѣ Всеславѣвичѣ см. въ *Древ. Рус. Стихотвор.* 45.

¹ *Снегиревъ*, Рус. празд. II. 69.

можетъ быть, такъ и было иногда, впрочемъ изъ Титмара узнаемъ противное: онъ ясно говоритъ, что въ храмѣ сидѣли одни жрецы, между тѣмъ какъ всѣ другіе стояли¹. Служитель храма Святовидова въ Арконѣ, выметая святилище его передъ праздникомъ осеннимъ, старался не дышать въ немъ, и всякій разъ какъ хотѣлъ вдохнуть, выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества своимъ дыханіемъ². — О преклоненіи передъ божествомъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, замѣчая, что имъ выражались Русскіе свое смиреніе передъ богомъ³. То-же самое преклоненіе передъ идолами было и у Балтійскихъ Славянъ, какъ узнаемъ изъ Эббонова и Сефридова жизнеописаній св. Оттона. Описывая, какъ Вольгастскій жрецъ Яровита показанъ одному поселенину въ лѣсу въ образѣ своего бога, они прибавляютъ, что испуганный селянинъ, воображая, что видитъ самого бога, палъ передъ нимъ ницъ⁴. Въ Краледворской рукописи въ томъ-же смыслѣ употребляются выраженія: «*klanieti se bohom*» и «*biti v czelo przied bohu*», выраженія извѣстныя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ⁵. Они касаются не только обряда богослуженія, но и вообще богопочитанія. Такъ въ Старославянскомъ, «*покланѣтисѧ*», значитъ «богопочитать»; такъ и въ Польскомъ *poклон* стар. *poклонѧ*, значитъ то-же что русское «поклоненіе»⁶. Польское выраженіе «*czolem bit*», Чешское, «*delem bit*», употребляется иногда въ смыслѣ равносильномъ значенію слова «богопочитать»⁷. Не должно здѣсь забывать, что «бить челомъ» въ буквальномъ смыслѣ не значило только касаться головою земли, но и преклонивши голову, рукою прикасаться лба, что и доселѣ осталось въ обычаѣ у нѣкоторыхъ Славянъ, какъ знакъ, выражающій уваже-

¹ Титмаръ. VI, 17.

² Саксо грам. 824.

³ Ибнъ-Фоцланъ. 9.

⁴ Эббо. 78. Сефридъ. 129.

⁵ Краледвор. рпс. VI, 13, 39, 40.

⁶ Въ Остромир. Еванг: поклонници поклоняются отъцу (л. 31). = Vulgata: adoratores adorabunt patrem. Słownik Polsko-francuz. Berlin. 1844. стр. 1632: Właściwy pokłon samemu Bogu ma być oddawan.]

⁷ Ланде, Słownik. I, 375. Юнгманъ, Słownik. I, 273.

ніе. Припомнимъ при этомъ положеніе, въ которомъ представленъ былъ идолъ Поренута въ Кореницѣ, какъ его описываетъ Саксо грамматикъ: его лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка пятого его лица, лежавшаго на груди: по остроумной догадкѣ Тиверія, это пятое лицо, на груди, было образомъ молитвы поклонниковъ, усльпшанной божествомъ, образомъ, какъ онъ говорить, незабытомъ Славянами и до сихъ поръ¹.

Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ — молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе добовыпныхъ. Такъ въ нѣсиѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ», во время принесенія жертвы Воймиромъ, «*prokni ida kol obieti bohom slauu hlasase i zachazeie zezwucie ne meskase*»². Въ Русскихъ святочныхъ нѣсняхъ до сихъ поръ сохранился пригѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно-русскихъ колядкахъ также повторяются пригѣвы, подобные этимъ: «Славенъ есь, гей, славенъ есь, нашъ милый Боже, на выскости!» или «благословенъ еси, господъ, благословенъ сынѣвъ своихъ»³! Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ нѣсни, «за славе божіе»⁴. У Хорватовъ сохранилась, по увѣренію Катавичѣ и Свеара славословная нѣсня въ честь бога Лада: «Лени Иво терга рожке, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушај нас, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше кланјамо ти! Ладо, слушај нас, Ладо»⁵. — Въ молитвахъ просительныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое здоровье, чтобы все были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами, какъ знаемъ это изъ сказаній, Титмара, Козьмы Пражскаго, Прокоша и Саксона грам-

¹ *Тиверій*, *Historia rit. Slav. Lusat. infer.* V. § 3.

² *Краледвор. рнсѣ*. IV. 169—170.

³ *Сахаровъ*, Сказанія Рус. нар. Ки. III, и *Снегуревъ*, Рус. праздники. IV, 65, 70, 85. *Бурецкій*, Колядки. № 34, 36, 38. Съ подобными пригѣвами собраны и мною колядки въ Венгріи.

⁴ *В. С. Караджичъ*, Српске нјесме. I, 96. № 156.

⁵ *Свеаръ*, *Ogledalo Ilirium*. Zagreb. 1839. 14. *Катавичъ*, *Specimen philologie et geographice Pannoniorum*. Zagreb. 1795. 112.

матика». Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія обращенныя къ Богу. Въ Русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже», или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозяину съ борзыхъ коней сыновой женить,—дай, дай, Боже, тебѣ хозяйшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать» или: «Роди Боже жито, пшеницо, усяку пашницо, усяку пашницо, у полѣ ядро, а въ домѣ добро»¹. Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй-же, подуй, господи, изъ духомъ сватымъ по земли», припѣвъ, кажется, вовсе не христіанскаго происхожденія, судя потому, что пѣсня сама пересказываетъ не христіанское преданіе о началѣ міра². Въ Польскихъ колядкахъ поется: «ze by sie, daryła psenica i groch, w komorze, w oborze, dej ci Panie Boze»³! Словаки припѣвають въ колядкахъ: «daj Bože štjastja, daj Bože dolju» или: nek was ran Buoh obohati»⁴. У Хорутанъ поется: «Bog daj wedro!» или «Bog potoci swoje kolo na naše stodole in na naše pole»⁵. Сербы молятъ Бога чтобы онъ сіялъ: «сјай, сјай, Боже, и боживју, нашему господару»⁶. Такія-же пѣсни-молитвы пѣлись и въ праздникъ Купала или Креса, какъ видимъ изъ Хорутанскихъ пѣсенъ, гдѣ поется: «Bog daj, Bog daj dobar večer, dobro leto! mi smo posaj k vam pr'tekli, dobar večer smo pr'nesli, dab vam rodilo žitno pole, winske gore»⁷! О молитвахъ, сопровождавшихъ освященіе возносимыхъ божеству яствъ, упоминаетъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «моленое то брашно дають и

¹ *Козьма Празж.* I, 10. *Прокошъ.* 113. *Титмаръ.* VI, 17. *Саксо грам.* 824, 826. *Брагедвор. рпсв.* IV, 146.

² *Сахаровъ.* ib. 11 и слѣд. *Снегиревъ.* ib. II, 65, 70, 85. *Паули, Piesni ludu Rus.* I, 10.

³ *Бпрецкій,* Колядки. № 1.

⁴ *Паули, Piesni ludu Pol.* 9—10.

⁵ *Коларъ,* Зрїеванку. I, 409.

⁶ *Коритко,* Pesme Krainskiga naroda. I, 19.

⁷ *В. С. Караджичъ,* Срп. Рѣченик. 40.

⁸ *Коритко,* ib. I, 91.

ядить»¹. Жертвы просительныя, вѣроятно, сопровождался всегда молитвами, равно и гаданья. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славяншии выражать свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣянія и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Къ сожалѣнiю, свидѣтельствъ современниковъ и преданiй объ нихъ слишкомъ мало. Болѣе знаемъ о жертвоприношенiяхъ благодарственныхъ, которыя, конечно, не могли обходиться безъ молитвъ, подобно жертвамъ просительнымъ. Такъ въ приведенномъ выше отрывкѣ пѣсни изъ Краледворской рукописи, при совершенiи благодарственной жертвы за побѣду, каждый изъ воиновъ, проходя мимо, возглашалъ богамъ славу, и въ этомъ словословiи, конечно, благодарилъ ихъ. Многiя изъ молитвъ словословныхъ были, вѣроятно, вмѣстѣ и благодарственными².

Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многiя. Вотъ почему въ Краледворской рукописи «*hlasati milich slow*» и просто «*hlasati*» значить молился³; вотъ почему тамъ-же читаемъ, что Воймиръ, обращаясь къ богамъ, «*wzuola s skali hlasem w lese hluczniem, z mosna hrtidla uola k bohom tako, i wrtrsiasu sie drua sira lesa*»⁴. Вотъ почему и до сихъ поръ остатки молитвъ сохранились въ обрядныхъ пѣсняхъ. Есть нѣсколько и современныхъ свидѣтельствъ что пѣсни составляли принадлежность богослужебныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ упоминають жизнеописатели св. Оттона и Длугош⁵. И Христолюбецъ въ своемъ словѣ говоритъ: «неподобаеть крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, иже ест плясѣба, гудѣба, пѣсни бѣсовския и жертвы идольския»⁶. О пѣсняхъ-молитвахъ сопрядавшихъ обрядъ га-

¹ Востокова, Опис. рисей Румян. Муз. 228.

² Прибавимъ къ этому, что слово «хвала», употребляемое всюду въ значенiи «славы», означаетъ и «благодарность» — не только въ Старославянскомъ, но и во всѣхъ югозападныхъ нарѣчiяхъ. Такъ и слово «*dzięk*» (дiякъ, дiака, *dzień*) означаетъ «славу» въ нарѣчiяхъ югозападныхъ, а «благодарность» въ сѣверозападныхъ.

³ Краледвор. рись. VI, 47, 237.

⁴ Краледвор. рись. IV, 132—134.

⁵ Эббо. — Длугошъ, V, 9.

⁶ Востокова, ib. 229.

данія упоминаеть Краледворская рукопись въ пѣсни «о битвахъ Християнъ съ Татарамъ»: «vetchimi slouesi nad sim wzpiechu»¹. Въ доказательство-же того, что пѣсни-молитвы раздавались во время служенія въ самыхъ храмахъ, служить упоминаніе Масуди о священныхъ звукахъ, раздававшихся въ храмѣ изъ подъ купола, вѣроятно съ хоръ². Очевъ не мудрено, что эти храмовыя пѣсни-молитвы сопровождались звуками инструментовъ, какъ это было при богослужебныхъ пѣсняхъ внѣ храмовъ, что видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что между драгоценностями, хранившимися въ храмахъ были и музыкальные рога, какъ свидѣлствуютъ жизнеописанія св. Оттона³. Во всякомъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языческой религіи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «rieuse dobra miliu bozi»⁴, и другое подобное понятіе, что пѣвецъ Болигъ былъ внукомъ бога солнца, Велеса. Есть надежда что значеніе божественное пѣсни у Славянъ раскроется со временемъ еще болѣе⁵.

III.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ: — ВОЗНОШЕНІЯ КУРЕНІЙ И БЛАГОУХАНІЙ, ЯСТВЪ, ОРУЖІЯ, — СОВЕСТВЕННО ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ: ЖЕРТВЫ ЗАКЛАНІЯ, — ЖЕРТВЫ СОЖЖЕНІЯ, — ПРИНЕСЕНІЕ ВЪ ЖЕРТВУ ЛЮДЕЙ.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними не лзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединилось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи оныя него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, бла-

¹ Краледв. рпсѣ. III. 58.

² Масуди. 320.

³ Сефридъ. 105.

⁴ Краледвор. рпсѣ. VI. 57.

⁵ Здѣсь можно вспомнить, что жрецамъ, какъ кажется, принадлежало и названіе *бавъ* = *баліевъ* и *зуслровъ* (incantatores).

тому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности челоуѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединилось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшномъ, которое надобно было умиловать, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго.

Возношеніи не лзя смѣшивать ни съ данью, платимой храмамъ, ни съ произвольными дарами, которыми такъ богаты бывали храмы Славянъ: дары и дани были слѣдствіемъ усердія къ вѣрѣ и цѣнились по богатству, будучи притомъ независимы отъ богослужебныхъ обрядовъ; возношенія принадлежали къ богослуженію, не получая важности по мѣрѣ своей цѣнности. Не мудрено впрочемъ, что и нѣкоторыя изъ даровъ принимаемы были съ богослужебныхъ обрядомъ, какъ возношенія, что отчасти уже видѣли мы въ обзорѣни поклоненія богамъ земнымъ. Собственными возношеніями должно считать благовопія, яства и оружія.

Гриммъ полагаетъ, что сѣвернымъ язычникамъ были неизвѣстны благовопія куренія какъ жертвы¹. Можетъ быть, Германцамъ и дѣйствительно нѣтъ; но Славяне знали этотъ символъ возношенія мысли къ божеству, и совершали его двумя способами, — или просто раскладывали оговъ, или сожигали куренья. О первомъ способѣ возношенія свидѣтельствуетъ обычай разложенія огня, сохранившагося до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несовѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или Новогодія и въ праздникъ Купалы или Креса — въ половинѣ года². Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію Лѣтописцевъ, пламя

¹ Гриммъ, Deut. Myth. I. 50.

² Купальскіе огни сохранились у всѣхъ Славянъ; огни колыдныя — болѣе у Славянъ югозападныхъ. Кроме того, вое-гдѣ возжигаются огни весной

возношенія горѣло постоянно: «ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно наляху»¹. Возношенія пламени соединились у язычниковъ Славянъ, какъ мы видѣли, съ обожаніемъ огня. О куреніяхъ, какъ возношеніяхъ передъ божествомъ, свидѣлствуютъ жизнеописанія св. Оттона, а также и законченныя сосуды, находимыя въ землѣ, въ которыхъ доселѣ остаются слѣды пахучихъ веществъ, между прочимъ и ятарю. Куреніе этимъ послѣднимъ и теперь еще на Рюгенѣ (прежней Руйнѣ) считается священнымъ, въ чемъ не лѣзя не видѣть остатка языческой старины. Въ числѣ этого рода возношеній не лѣзя не считать и возношеній пахучими цвѣтами и травами, вѣнками изъ нихъ, и т. п. Объ этомъ было уже замѣчено выше. Между такими цвѣтами были и васильки, какъ свидѣлствуетъ Ибнъ-Фоцланъ, если только подъ названіемъ «*gi'han*» не должно разумѣть вообще пахучихъ травъ².

О возношеніяхъ лѣтвами имѣемъ свидѣлствъ гораздо болѣе. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса³. Константинъ Порфирородный, рассказывая о походахъ Руссовъ, пишетъ, что они прѣѣзжали къ острову св. Георгія, и у огромнаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами, и клали туда хлѣбъ, мясо или что другое, что было у нихъ⁴. Подробно описать подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, какъ онъ видѣлъ его въ пристани Иглия совершаемымъ Русскими купцами. «Вошедши въ пристань каждый идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ нашиткомъ, къ высокому деревянному пстукану, падаеть передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я прѣѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей... И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ

и осенью. Кажется, что каждая четверть года была празднуема возношеніемъ огней.

¹ Густинская летопись. 207.

² Ибнъ-Фоцланъ. 15, 107.

³ Масуди. 320.

⁴ Константинъ Порфир. 9.

тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, имъ принесенное, и говоритъ: «Ахъ, если бы ты послалъ мнѣ кушца, у котораго было-бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который-бы купилъ у меня все что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать!» Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торговли его идетъ худо, и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молить ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господа!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи, и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуетъ легко и хорошо, и продаетъ все привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «господь услышалъ мое желаніе; теперь обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдастъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ, и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на деревѣ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «господь благоволитъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ»¹. О такихъ возношеніяхъ у Русскихъ говорятъ и сказанія отечественныя. Такъ въ лѣтописи Новгородской Пидиблявннхъ, отринувши шестомъ пльвшаго Перуна, говоритъ ему: «Ты, рече, Перунице, досити еси шилъ и ялъ, а шьгѣ плови уже проче»². Въ словѣ Христолюбца говорится: «И тако покладывають имъ требы и корованъ имъ ломятъ...моленое то брашно дають и ялятъ...ставятъ лише кумиромъ трапезы котѣйныя и законнаго обѣда иже нарѣцается беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ»³. Въ переводѣ Григорія Назіанзина читаемъ во вставкѣ: «овъ трѣбою створи на студени, джда нмы отъ него»⁴. Это напоминаятъ о дѣтской

¹ *Ильи-Фоцланъ*. 7-9.

² *Карамзинъ* Н. Г. Р. I. стр. 463.

³ *Востокова* Опис. р. Рум. М. 229.

⁴ *Переводъ Григорія Наз.* Библиогр. Листы. 88.

игръ Малорусской, во время засухи, когда приговаривается: «лііі, лііі, дожчику! наварю тобі борщю!» О хлѣбѣ-соли, какъ жертвѣ благодарности Волгѣ и морю, упоминается въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ¹. Что возношенія лѣтвами были въ обычай и у язычниковъ Чеховъ, въ этомъ свидѣтельствуеъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «krmie bohom—сказано тамъ—давались «w sunŕku», и послѣ битвы надобно было «dat rokrm bohomom»². У Словаковъ сохранился языческій обычай бросать въ потоки весною разныя лѣтва, какъ жертву. Такія возношенія были и у Балтійскихъ Славянъ, и, по словамъ Андрея, въ его жизнеописаніи ст. Оттона Бамбергскаго, происходили ежедневно³. Саксо грамматикъ, описывая обрядъ праздника Святовита, рассказываетъ, что «жрецъ вышпалъ вино изъ рога, который держалъ идола, къ ногамъ его въ возліяніе ему, и наполнивъ свѣжимъ виномъ, не забывая почитать идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому-же возношенію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ спрашивалъ у Руинъ, видятъ-ли они его. Когда они говорили что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилию слѣдующей жатвы»⁴. Обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 Декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, кнѣпей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затѣпивъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа «исполнить законъ». Отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де-жь нашъ батько?», онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хѣба-жь вы мене не бачите!», — и на

¹ Древ. Рус. Стихотворенія. 226, 339.

² Краледвор. рпсѣ. IV, 41, 42, 234.

³ Андрей. III, 10.

⁴ Саксо грам. 824-825.

отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!», говоритъ имъ: «даи-же боже, що-бъ и на той рѣкъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ'. — Какъ ни разнообразны извѣстія, здѣсь представленныя, о возношеніяхъ божеству яствами, не лзя не пожалѣть о ихъ скудости: изъ нихъ мы почти не можемъ понять важности, какую должны были, кажется, имѣть эти возношенія въ богослуженіи Славянскомъ. Не лзя себѣ представить, чтобы Славяне съ высокимъ понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько-бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами преклонять на свою сторону. Обрядъ могъ быть исполняемъ и такъ, какъ его описалъ Ибнъ-Фонданъ; но долженъ былъ исполняться и иначе, не съ цѣлію кормить боговъ, а съ цѣлію возношеніемъ божеству освятить яства и потомъ потребить какъ освященное. Это мы видимъ изъ описанія Христолюбца; но къ сожалѣнію изъ его словъ не можемъ заключать, въ чемъ именно состоялъ обрядъ освященія, въ какихъ случаяхъ былъ совершаемъ. Если дополнить его слова тѣмъ, что говорятъ Андрей и пѣсія Краледворской рукописи, то можно думать, что обрядъ освященія яствъ совершался ежедневно, что язычникъ Славянинъ всякій день желалъ потребить яства и питія освященныя.

Тотъ-же самый характеръ освященія должны были имѣть и возношенія оружія: это видно изъ того, что возносимы были оружія враговъ, всегда болѣе или менѣе противниковъ вѣры; все, что ни принадлежало имъ, могло считаться нечистымъ, оскверненнымъ. О возношеніи вражескаго оружія говоритъ пѣсія Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «tamo k wrchu pohrsiebat mrch i dat pokrm bohoun, i tamo bohom spasam dat mnostuie obieti, a iim hlasat milich slow i iim ozuzie pobitih wrahow»¹. О такомъ-же возношеніи вражескаго

¹ К. Сементовскаго, Замѣчанія 36.

² Краледвор. рпсь. VI. 250—255.

оружія говоритъ и жизнеописатель св. Оттона Сефридъ¹. Очень не мудроно, что многія изъ этихъ возношеній оставались собственностію храма; но это не измѣняло характера обряда: освященныя оружія могли быть потомъ употребляемы въ походѣ, если не кѣмъ другимъ, то воинами храмовыми, вмѣстѣ со священными знаменами, значками въ родѣ орловъ Святовида и т. п.

Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Отъ тѣхъ и отъ другихъ нельзя не отличать принесенія въ жертву людей.

О жертвахъ закланія упоминаетъ уже Прокопій, говоря, что Славяне, поклоняясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другія приношенія, что они, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думая что этою жертвою спасали себѣ жизнь². Масуди упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Славянскихъ только вообще³. Почти въ такихъ-же общихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ и переводчикъ Григорія Назіанзина: «Овъ нескацимъ богомъ жьреть. . . овъ рѣкжъ богыцжъ нарицаеть и звѣрь живящъ въ некако бога нарицаа трѣбжъ творить. Овъ дьно жьреть, а другыи дивни. . . Овъ моуцныѣ скотъ творя оубиваетъ»⁴. Здѣсь въ отношеніи къ жертвоприношеніямъ замѣчательно послѣднее выраженіе: оно намекаетъ на давній обычай закаланія жертвъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ догадываться, что этотъ обычай въ послѣдствіи времени былъ замѣненъ другимъ, снзволемъ закаланія. Онъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ, по случаю выгона стада на пастбище весною, селяне, празнуя для пастуховъ ширь, готовятъ для него широгъ въ видѣ овна, для того чтобы онъ, какъ жертва Богу, былъ зарѣзанъ рукою главнаго бачи и потомъ берется у пастуховъ какъ лѣкарство для овецъ⁵. Ясно о жертвахъ закланія

¹ Сефридъ. 105.

² Прокопій. III, 14.

³ Масуди. 321.

⁴ Переводъ Григор. Наз. ib. 88—89.

⁵ Я слышала объ этомъ обрядѣ въ Шаринской столицѣ, въ Венгріи.

у Русскихъ говоритъ Несторъ: «жряху бѣсомъ, оскверниху землю теребами своими и оскверниша кровью земля Руска и холмъ отъ»¹. Упоминаеть о нихъ и Митрополитъ Иларіонъ въ своемъ словѣ, замѣчая, что, освѣтившись ученіемъ Христовымъ, «уже не жрътвенныя крове вкушающе погибаемъ»². Въ житіи князя Константина Муромскаго говорится объ обычаяхъ закаланія коней при совершеніи обряда погребенія³. Изъ писателей иностранныхъ о жертвахъ закаланія у Русскихъ говорятъ Константинъ Пирфородовъ и Ибнъ-Фоцланъ. Первый упоминаеть о бросаніи жребія о птицахъ, должно-ли ихъ ѣсть, или убить, или живыхъ выпустить на свободу. Сходное съ этимъ есть въ словѣ Христолюбца: «и куры им рѣжутъ», и у Льва Діакона—о приношеніи въ жертву вѣтуховъ при обрядѣ погребенія⁴. Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ, какъ было уже замѣчено, что въ знакъ благодарности Русскіе закакали своимъ богамъ быковъ и овецъ, и вѣшали головы овецъ и быковъ на деревѣ, воткнутомъ въ землю за идолами⁵. Послѣдній обычай сохраняется отчасти и теперь у Русскихъ и у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ. Венды, подобно Русскимъ имѣли обычай—говоритъ Преторій—для предохраненія отъ скотнаго падежа ставить по забору вокругъ конюшенъ и хлѣбовъ мертвыя головы лошадей и коровъ, равно и тѣмъ лошадямъ, которыхъ, по народному повѣрью, мучитъ домовой, клали лошадиную голову подъ кормомъ въ ясляхъ, вѣря, что это уничтожаетъ силу домового надъ лошадью⁶. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая объ обрядѣ погребенія, Ибнъ-

¹ *Несторъ*. 34. *Триба* = *постриба* (слово, известное и Вацераду. 227) употребляется вообще вмѣсто жертвы. Если впрочемъ взять въ расчетъ Поль. *trzebić* и Луж. *trjebić* = *wutjehač* (кастрировать), то *триба* должна означать только жертву закаланія. У Люнебург. Славянъ словомъ *trēba* (*trēwa* = *trīwe*) назывались Рождественскіе святки. *Геншинъ*, подъ словъ: *Weihnacht*.

² *Иларіонъ* въ *Прибав. къ Твор. Св. Отцовъ*. Часть IV. 236.

³ *Карамзинъ*. Н. Г. Р. I. стр. 236

⁴ *Константинъ Порфир.* 9. *Востоковъ*. ib. 228. *Левъ Діаконъ*. IX. 6.

⁵ *Ибнъ-Фоцланъ*. 9.

⁶ *Преторій*, *Weltbeschreibung*. II, 162—163.

Фонлангъ описываетъ и жертвоприношенія, совершавшіяся при этомъ: «Принесли собаку, и разрубивъ пополамъ, бросили въ ладью;... привели двухъ лошадей, которыхъ гоняли до тѣхъ поръ, пока онѣ покрылись потомъ, разрубили ихъ мечами, и мясо бросили въ ладью; привели и двухъ быковъ и также бросили въ ладью разрубленныхъ; наконецъ взяли гѣтуха и курицу, зарѣзали и бросили туда-же»¹. О приношеніи въ жертву козла есть преданіе, сохранившееся въ народной обрядной пѣснѣ: «Зарѣкою, за быстроу—лѣса стоять дремучіе: во тѣхъ лѣсахъ огни горять, огни горять великіе; вокругъ огней скамьи стоять, скамьи стоять дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, добры молодцы, красны дѣшцы, поють пѣсни колѣдушки. Во середкѣ ихъ старикъ сидитъ, и онъ точитъ свой булатный ножъ; возлѣ него козелъ стоитъ... Хотятъ козла зарѣзати»². По свидѣтельству Длугоша были въ обычаѣ жертвы закланія и у Поляковъ: въ жертву приносились были овцы, и быки, во время празднествъ, на которыя собирався народъ³. Были онѣ въ обычаѣ и у Балтійскихъ Славянъ. Титмаръ пишетъ, что Лютичи, отправляясь на войну, поклоняются храму Ретрекому, а возвращаясь изъ счастливаго похода, приносятъ богамъ дары, посредствомъ жребіевъ и коней узнаютъ, какая жертва можетъ быть угодна богамъ, и смиряютъ гнѣвъ ихъ кровію людей и животныхъ⁴. Гельмольдъ рассказываетъ объ нихъ такъ: «Боги имѣли своихъ жрецовъ, свои жертвоприношенія и разнообразное служеніе. Жрецъ посредствомъ жребія опредѣлялъ празднества, посвященные богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили богамъ въ жертву быковъ и овецъ. По закланіи жертвы жрецъ пилъ кровь, чтобы имѣть болѣе силы повѣять божественныя предсказанія, потому что кровь, какъ многіе думали, помогаетъ вызывать духовъ. Принесли по обычаю жертву, народъ начиналъ пиришество»⁵.

¹ *Пбѣт-Фонлангъ*. 11—29.

² *Стегиревъ* ib. II. 69.

³ *Длугошь*. V, 9.

⁴ *Титмаръ*. VI, 17.

⁵ *Гельмольдъ*, I, 52, Сравни. *Анонима Chron. Slav XVIII. Lindenbrag. Scriptores* 211.

Саксо грамматикъ, при описаніи осеняго праздника Святovidова, не забывъ также замѣтить, что жители острова Руины, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву зѣрей по закону, и потомъ совершали торжественно пириество, потребляя на немъ жертвы, по окончаніи храмоваго обряда¹. Объ этомъ ежегодно принесеніи жертвъ Святovidу упоминаеть и Гельмольдъ². У Чеховъ долженъ былъ существовать также обрядъ принесенія жертвъ закланія; впрочемъ свидѣтельство Козьмы Пражскаго о немъ едва-ли должно быть принимаемо совершенно такъ, какъ оно есть: «Чехи—пишеть онъ—преданіе глупымъ суевѣріямъ, боясь неудачи въ войнѣ, обратились къ колдунѣ, и спрашивали ее, что нужно сдѣлать, чтобы война была для нихъ счастлива. Колдуня обьятая пророческимъ духомъ, отвѣчала имъ немедленно, что если они хотятъ быть побѣдителями, то должны прежде всего совершить волю боговъ, и совѣтовала принести въ жертву осла, надѣясь, что этою жертвою умилостивятся боги и помогутъ въ битвѣ»³. Здѣсь не можетъ не казаться страннымъ то, что въ жертву приносится оселъ: едва-ли это не описка.—Изъ данныхъ, здѣсь представленныхъ о жертвахъ закланія, извлекаются слѣдующіе выводы:—Эти жертвы возносятся были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Иногда онѣ совершались торжественно жрецами, иногда-же самими тѣми, кто желалъ принести жертву. Чтò должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданьемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напр. быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, шлѣ кровь жертвы. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась пищимъ, а

¹ Саксо грам. 824.

² Гельмольдъ. II. 12.

³ Козьма Приж. I, 97.

остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ затѣмъ ширшествѣ. Этотъ послѣдній обычай показываетъ, что жертвы закланія имѣли сначала близкое сродство съ возношеніемъ яства, что закалываемое животное приносилось въ жертву, какъ яства, которая религіознымъ обрядомъ должна быть освящена, отрѣшена отъ оскверненія: вотъ почему и приносились въ жертву, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, только животныя употребляемыя въ пищу. Въ послѣдствіи обрядъ могъ потерять свое значеніе и получить новое: могли повѣрить, что смертію животного можно защитить себя или свое животное отъ смерти и другаго подобнаго бѣдствія. Вотъ почему въ нѣкихъ случаяхъ приносимое въ жертву не закалялось а задушалось, напр. въ водѣ; вотъ почему могло постепенно войти также въ обычай замѣнять при жертвоприношеніи живое существо его образомъ, изъ чего нибудь сдѣланымъ, или же самый обрядъ закланія замѣнять приношеніемъ въ жертву головы животного. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя имѣемъ объ этомъ послѣднемъ обычаѣ, видно, что жертвы приносятся могли и злomu богу, человѣку враждебному, или же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Въ великомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двойкій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ тѣмъ нибудь бѣльшимъ.

Жертвы сожженія имѣли только этотъ послѣдній характеръ. Что и онѣ были очень обычны у Славянъ сѣверозападныхъ и восточныхъ это доказывается остатками находимыми въ городищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ совершались, множествомъ пепла, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Какъ описаніе современное приведемъ здѣсь то, что находится въ пѣсни Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи». Честмиръ, отправляясь на войну «pode wsie druha wzlozie obiecti bohom». Воймиръ, одержавши побѣду, «chtiese obiet wzdati bohom w siem ze miestie, w siem ze krocie slunce»; но отложилъ по совѣту Честмира, и возопилъ къ богамъ: «Ne ziarste sie, bozi,

suemu sluze, ez ne pali obiet w dniesniem slunci». Четвирь со-
вѣтовавъ ему тогда: «Dluzna obiet bohom, uece Cestmir; a ninie
nam na wrahi pospieti; ninie wsedni ti na rucie konie, proletni
lesi ieleniem skokem, tamo w dubrawu. Tam s cesti skala bogem
zmlena, na icie wrh obietui bohom, bohom suim spasam, za wi-
cestuie w zadech, za uicestuie w prsiedie. Neze sie poznaie, ze
slunce pokroci na twrdosti nebes, stupis tamo na miesto; a neze
slunce postupi vterim krokem i krokem trsietiem nad wrsini lesne,
doиду voi tamo, kdie obiet tuoie pouicie w slupech dimu: pokorsi
sie wsie voiska, tudi iduce». И Воимиръ перелетѣлъ черезъ лѣса
въ дубраву, «na wrsie skali zanieti obiet bohom suim spasam za
uicestuie wzadech, za uicestuie wprsedie, im obietoua krauicu
huiu». Любопытно тутъ описаніе самаго обряда сожженія жертвы:
«Plapolase obiet i blizise sie uoi k uualu, iz uuala wzhoru w dubrawu.
Uoi ozuucieni hlukem idu po iednom, oruzie nesuce; prokni ida
kol obieti, bohom slauu hlasase, i zachazeie zezwucie ne meskase,
i kehdi dochazese posleda uoiew, wskoci Voimir na suoi ruci
komon»¹. Если такъ совершались жертвы сожженія и всегда, то
можемъ заключить, что и при этихъ жертвахъ, какъ при жерт-
вахъ закланія, приносимы были домашнія животныя, что эти
жертвоприношенія были общенародныя, и что, наконецъ, онѣ
были совершаемы великобшно, но не жрецами, если только
князья не изгѣли по своему сану правъ жреческихъ. Такія жертвы
были въ обычаѣ и у другихъ Славянъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ,
которымъ не чужды слова «жертва» или «жаризна» видимо прои-
сходящія отъ «жрѣти» — сожигать². Жертвы сожженія сопрож-

¹ *Краледвор. рись*. IV, 22, 123—124, 135—136, 143—152, 155—157, 164—170. Въ Чеш. жертва называется obět' (*Вацераду*. 219. *Юнгманъ*. II. 761), какъ что обѣщанное: о жертвахъ по обѣщанію упоминаютъ многіе современники.

² Онѣ употребительны у многихъ Славянъ: *жертва* (жрѣтва) почти у всѣхъ югозападныхъ (известно было и *Вацераду*. 231); *жаризна* — у Польковъ (*Загузна*) и Словаковъ. Срѣен. *жаровище* по *Вацераду* — рига, гогин. 230). *Жрѣти* одного корня съ *жрѣти*, по обычному смягченію г въ ж (гонть-жить; горло-жерло: горы-жары (Словац.), gallus (Лат.), gelb (Нѣм.) — желтый; glans, glandis (Лат.) — желудь; galle (Нѣм.) — желчь; ganne (Лат.) — жена и пр.

дали иногда погребальній обрядъ. Не надобно, быть можетъ, считать жертвоприношеніемъ сожженіе коней вмѣстѣ съ трунами мертвыхъ, которымъ въ жизни они принадлежали; но то, что рассказываетъ Ибнъ-Фоцланъ о сожженіи вмѣстѣ съ мертвымъ уже закланныхъ собаки, двухъ лошадей, двухъ быковъ, гбѣуха и курицы и еще одной курицы, у которой оторвали прежде голову, едва-ли не относилось къ обряду жертвоприношенія, хотя и не лзя понять значеніе и цѣль обряда¹.

Было у Славянъ въ обычай и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычай у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можемъ догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Привожаю сыны своя и дщери—говоритъ Несторъ—и жряху бѣсомъ, оскверилху землю теребами своими, и оскверниа кровьми землю Русска и холмъ отъ». Уже изъ одного этого выраженія можемъ заключать, что Русскіе при жертвоприношеніяхъ закаляли и людей: иначе бы, кажется, Несторъ пролитіе крови не называлъ оскверненіемъ земли. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ яснѣе: «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, взя землю ихъ, и иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старици и боляре: мчемъ жребии на отрока и дѣвицу, на кого-же падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варегъ единъ—держаше вѣру хрестыаньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душою, на сего паде жребии... Рѣша пришедше посланици къ нему, яко паде жребии на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ, да сотворимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо... не дамъ сына своего бѣсомъ. Они-же шедше повѣдаша людемъ; они-же взяли оружье, пондоша нашь, и розъяна дворъ около его; онъ-же стояше на сѣняхъ съ сыномъ своимъ... И посѣкоша сѣни подъ нима, и такъ побина я»². Митрополитъ Иларіонъ подтверждаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Русскихъ выраженіемъ: «уже не

¹ Ибнъ-Фоцланъ. 15, 17.

² Несторъ, 35.

заколаемъ бѣсомъ другъ друга»¹. Были человѣческія жертвы и у Поляковъ, какъ знаемъ изъ Длугоша: въ жертву приносились — по его словамъ — люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ². Объ обычаѣ приношенія въ жертву людей у Балтійскихъ Славянъ говоритъ Титмаръ: этими жертвами Лютичи думали утишать гнѣвъ боговъ³. То-же говоритъ и Гельмольдъ: въ жертву приносили христіанъ въ надеждѣ, что такими возношеніями можно радовать боговъ, и по жребію назначали, кто долженъ быть принесенъ въ жертву. Святотлуду приносилась такая жертва ежегодно, и жертвоприношеніе совершалось жрецомъ⁴. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе лѣтописцы рассказываютъ и нѣскольکو случаевъ принесенія въ жертву людей. Такъ принесенъ былъ въ жертву Годескалкъ вмѣстѣ со многими другими и пресвитеромъ Эннономъ; такъ и епископъ Іоаннъ, взятъ будучи въ плѣнъ, былъ битъ наками, потомъ возимъ съ поруганіемъ по городамъ, и наконецъ, не отрекшись отъ Христіанства, въ Ретрѣ умерщвленъ: ему оторвали руки и ноги, бросили на улицѣ, а голову принесли въ жертву Радагасту, какъ знакъ побѣды; такъ богамъ принесены были въ жертву изувѣченные члены — священниковъ и монаховъ, скрывавшихся въ церквахъ послѣ разоренія Мельдорна⁵. — Изъ всего этого видимъ, что въ жертву приносили такихъ людей, которыхъ можно было не жалѣть, напр. плѣнныхъ и христіанъ, — что впрочемъ жребію большею частію рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву, и что иногда выборъ падалъ на юношъ и дѣвиць. Такое жертвоприношеніе не могло не соединяться съ торжественнымъ обрядомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ повторялся ежегодно. Въ жертву приносима

¹ *Поларіонъ*, ib. 235.

² *Длугошъ*, V, 9.

³ *Титмаръ*, VI, 17.

⁴ *Гельмольдъ*, I, 52. II, 12. *Анонима Chr. slav.* ib. 211.

⁵ *Гельмольдъ*, I, 22. II, 12. *Адамъ Брем.* IV, 12, 167. Срав. *Гельмольдъ*, I, 23. *Петерсенъ*, De Dansker toge til Venden. II. 3. въ *Annaler for Nordisk oldkyndighed*. Kiöbenhavn. 1838. 11.

была иногда только голова человека¹. Замѣтимъ еще, что человѣческими жертвами Славяне воображали смягчать гнѣвъ боговъ, и украшали религиозныя торжества послѣ войны или битвы. На это не лзя не обратить вниманія: смерть человека одного или многихъ, на полѣ боя или на одрѣ болѣзни, всегда религіей Славянской вызывала смерть другаго члѣовѣка или и многихъ; послѣ битвы или войны приносили людей въ жертву, при погребеніи человека умершаго лишали также людей жизни. Источникъ того и другаго обычая долженъ быть одинъ и тотъ-же. Славянинъ боялся будущаго посмертнаго, — столько-же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной (можетъ быть, по невозможности къ ней приготовиться): то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ боязнію соединялась у него надежда на благость боговъ, на возможность ихъ умилоостивить очищеніемъ, и это очищеніе вѣра ихъ находила въ гибели животныхъ и другихъ людей. О такой жертвѣ очищенія разсказываетъ Левъ Діаконъ: «Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, Руссы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣгѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли ихъ, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ; а совершивъ эту кровавую жертву, погрузили въ струи Истра младенцевъ и ибѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили»². Если можно повѣрить, что была жертва очищенія, жертва задушная, а въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя; то надобно признать такой жертвой и погребальное торжество, какъ его описываетъ Ибнъ-Фозланъ. «Если умеръ кто изъ знатныхъ — говоритъ онъ — то его родные спрашивали у дѣвушекъ и отроковъ, кто изъ нихъ хочетъ умереть съ нимъ, и кто подастъ разъ свой голосъ, тотъ уже не могъ отстуниться. По большей части это дѣлали дѣвушки. Для обряда сожженія назначалась лодка, которую ставили на вбитыя въ землю бревна, между тѣмъ какъ вокругъ стояли большіе деревянные идолы, съ челоовѣкообразными фигурами, такъ что лодку тащили на бревна

¹ *Bernhardi*, Bausteine zur slaw. Mith. II. Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 391—392.

² *Левъ Діаконъ*. IX. 6.

мимо ихъ. На лодку ставили мары, для того чтобы на нихъ одѣвать мертвого. Одѣвши его въ богатое платье, вносили въ шатеръ, бывшій на лодкѣ, и сажали его тамъ, окруживъ листьями и штилями. За тѣмъ слѣдовало принесеніе въ жертву собаки, двухъ коней, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы. Дѣвушка между тѣмъ приготовлялась къ смерти. Ее наконецъ раздѣвали, вводили въ шатеръ, и тамъ умерщвляли—задушали и потомъ зарѣзывали. Ближайшій изъ родныхъ долженъ былъ послѣ этого первый зажечь костеръ, за нимъ слѣдовали и другіе мужчины: каждый класть на костеръ по пылающему полѣну. Костеръ разгорался,—и ладья съ шатромъ, покойникомъ, девушкой, со всѣмъ что было въ ладьѣ, сгарала». И всегда у Славянъ погребальный обрядъ сожженія сопровождался умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей; если не кого другаго, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы*. Для погибавшаго была надежда, что онъ этимъ пожертвованіемъ открываетъ себѣ дорогу въ рай; такая-же надежда была и для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, что этими жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Вотъ почему даже и послѣ, при совершеніи поминокъ по душѣ покойнаго, веселья пѣсни и игры надгробныя предупреждаемы были смертію какого нибудь живаго существа, какъ это видимъ и изъ обычая, сохранившагося кое-гдѣ у Карпатскихъ горцевъ и у Хорутанъ, умерщвлять на могилѣ пѣтуха, барашка и т. п. Все это было для язычниковъ Славянъ жертвой очищенія. Въ послѣдствіи времени принесеніе въ жертву людей могло для нихъ соединяться съ какимъ нибудь другимъ понятіемъ, напр. съ понятіемъ долга истреблять враговъ, которые не могли не считаться и врагами божества; по не этимъ могъ начаться обычай, столь дикій и безнравственный. Не лзя предположить себѣ ни для какого народа никакого безнравственнаго обычая, который-бы не оправдывался въ немъ причиною, хотя и ложно, сумазбродно понятой, но все таки нравственной, согласной съ правилами народной нравственности.

* *Пбизъ-Фозцлангъ*. 11—21.

* *Мафрискій*. XI, 5. *Титмаръ*. VIII, 2. *Масуди*. 317 и пр.

IV.

ГАДАНИЯ—ЖРЕБИЕМЪ И ПРОРІЦАНІЯМИ ЖРЕЦОВЪ. ЗНАЧЕНІЕ ЗАДАНИЙ.

Гаданія составляли столь-же необходимую принадлежность бого-служенія Славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою раскрывать ему свою волю и его будущее, подавать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, ограждать его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человека раскрывали ему будущее. Множество преданій дошло до насъ о древнихъ языческихъ гаданіяхъ Славянъ, но не всѣ намъ извѣстныя роды гаданій принадлежали къ обрядамъ богослуженія. Они могли умножаться непрерывно, даже и послѣ паденія язычества, хоть и совершенно въ его духѣ; религія-же освящала очень немногіе. Я буду говорить здѣсь только объ этихъ послѣднихъ.—Гадаю о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашиваетъ божество—во-первыхъ, о томъ, быть-ли чему или не быть, дѣлать-ли ему что или не дѣлать,—во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ коротокъ: да или нѣтъ, и могъ быть разгадываемъ изъ различныхъ, очень несложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ разгадываться изъ знаковъ гораздо болѣе сложныхъ, и чѣмъ кратче, неопредѣленнѣе выражался, тѣмъ болѣе зависѣлъ въ своемъ объясненіи отъ воли объясняющаго.

Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то было гаданьемъ по жребію¹. Распро-

¹ Слово *Жребіи* (жеребей, ждријеби, ждриб и т. д.) собственно значить осколокъ (дерева, желѣза), и потомъ уже стало употребляться въ смыслѣ части, удела, и т. п. Сравни *Шилкевича*. Корнесловъ. I. 82. *Добровскаго* Грамм. Слав. I. 167.

странное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрїи. Объ одномъ изъ способовъ гаданья по жребію рассказываетъ Титмаръ, какъ о составлявшемъ часть богослуженія въ храмѣ Ретрскомъ. Жрецы сидѣли, и, поочередно тайно шепча, со страхомъ рыли землю и разгадывали по встрѣчаемымъ признакамъ, что должно случиться; потомъ покрывали найденные жребіи зеленымъ дерномъ¹. Это напоминаетъ гадальную игру Русскихъ дѣвухекъ, называемую «лашки»: въ небольшую яму сбрасываютъ всякаго роду соръ, и между прочимъ дѣй закладываютъ лашки; потомъ ищутъ этихъ лапокъ, — кто найдетъ, тому счастье. О двухъ такихъ способахъ гаданья упоминаетъ Саксо грамматикъ: Руине гадали тремя деревянными щепочками, на которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная: та означала удачу, а эта неудачу. Женщины у нихъ гадали, сидя у очага и чертя безъ счета по пещу случайныя черты: если потомъ насчитывали ихъ четъ, это предсказывало счастье, если же нечетъ, то бѣда². Первый изъ этихъ двухъ способовъ былъ въ обычаѣ и у Штетинца, какъ знаемъ изъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго: они гадали по деревяннымъ дощечкамъ объ удачѣ морскихъ битвъ, — по введеніи Христіанства, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ, это гаданье совершенно было оставлено. Подобное гаданье было и у Чеховъ, какъ видимъ изъ пѣсни Краледворской рукописи о битвахъ съ Татарами: *i na dli trest ernu poloziču, i iu na duie polie rozseriču, pruei pole Kublai imie vzdieču, vterei polie krali imie vzdieču, vetchimi slovesi nad sim wzpieču. Pociču trsti spolu voieuati, i trest kublaieua swicezise*³. Что касается до втораго изъ гаданій, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, то что-то подобное употребляется и до сихъ поръ у Русскихъ, сохраняясь вмѣстѣ съ вѣрованіемъ, что зола есть символъ зла⁴. Къ этого-же роду гаданьямъ принадлежали гаданья по священной чащѣ или рогу: объ

¹ *Титмаръ*. VI, 17.

² *Саксо грам.* 827—828.

³ *Краледвор. пѣсь*. III. 54—60.

⁴ *Саларова*, *ib.* II, 14.

отгадываньи урожая на слѣдующій годъ по убыли и неубыли вина въ рогахъ Святoviда рассказываетъ Саксо грамматикъ; о гадательныхъ золотыхъ чашахъ въ континахъ Штеттинскихъ пишетъ Сефридъ¹. Подобнаго роду были гаданья водою на рѣшетѣ, въ чашѣ и пр: они сохранились у Русскихъ, и были въ старое время у Поляковъ². Были такого роду религіозныя гаданья и по жертвамъ: о нихъ упоминаетъ Прокопій, — и въ преданіяхъ Русскихъ сохраняется о нихъ воспоминаніе въѣсть съ уваженіемъ, какое питають кудесники къ печени, къ дыму, къ куреньямъ³. — Къ гаданьямъ по жребію должно причислить и гаданья конями. Въ Ретрѣ оно производимо было, по описанію Титмара, такъ: — «Выводили коня, который былъ очень великъ и считался священнымъ. Съ благоговѣнною покорностію вели его черезъ вбитыя въ землю острія двухъ копій, перекинутыхъ одно на другое, и совершивши прежде гаданье по жребію (рытьемъ земли), гадали опять, помощію этого какъ-бы вдохновеннаго коня, о томъ-же, что хотѣли узнать посредствомъ жребіевъ. Если и въ томъ и въ другомъ случаѣ предсказывалось одно и то-же, то загаданное должно было исполниться; если же нѣтъ, то печальный народъ совершенно оставлялъ свое предпріятіе»⁴. Иначе совершалось это гаданье въ Аркогѣ конемъ Святoviда, какъ узнаемъ изъ Саксона грамматика: «Если думали начать войну съ какою-нибудь областію, то жрецы передъ храмомъ втыкали въ землю наконечниками конья, связанныя попарно крестъ-на-крестъ въ три ряда, въ равномъ одиѣ отъ другаго растояніи. Жрецъ, совершивши торжественное моленіе, велъ къ шмъ коня, изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ чрезъ конья прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хоть разъ двинулъ лѣвою ногою прежде нежели правою, то задуманное предположеніе измѣнялось. Равно и морскою

¹ Саксо грам. 824. Сефридъ, 105.

² Сахаровъ. II, 65, 68, 69. Вишевскій, Hist. Lit. Pol. I, 274—275.

³ Прокопій. III, 14. Сахаровъ. II, 10, 13.

⁴ Титмаръ. VI, 17. Вышеку изъ Chronica August. см. у Гримма, Deut. Myth. II. 628.

походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сряду предсказывалась удача»¹. Еще иначе описано гаданье конемъ бывшее въ обычаѣ у Штетинянъ: — «Если Штетиняне замыслили сухопутный походъ противъ непріятелей или какой набѣздъ, то разгадывали удачу дѣла обыкновенно такъ: — клали на земь девять коніи на локоть одно отъ другаго; жрецъ, смотрѣвшій за конемъ, осѣлавши и взнуздавши его, велъ за узду черезъ лежація конья три раза взадъ и впередъ. Если конь проходилъ не спотыкаясь и не трогая коніи, то это считалось счастливымъ знакомъ, и походъ былъ начинаемъ; если-же конь трогалъ конья ногою, то походъ былъ отлагаемъ»². Хотя три приведенныя описанія и различны въ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ; но обычаи и форма гаданья, видимо, были всюду одни и тѣ-же; и хотя всѣ три описанія касаются сѣверо-западныхъ Славянъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только у нихъ однихъ и былъ обычаи гаданья конемъ; есть напротивъ слѣды этого обычая и у другихъ Славянъ. Такъ между прочимъ былъ онъ и у Русскихъ: Моршкинъ нашелъ его слѣды въ губерніяхъ Ярославской и Костромской; Снегиревъ и Сахаровъ также упоминаютъ объ обычаѣ гаданья конемъ во время святочныхъ гаданій³. Русскія дѣвушки, гадая о суженомъ, выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглоблю или черезъ жердь; — и если лошадь зацѣпнеть за оглоблю или за жердь ногами, то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; если-же перейдетъ, не зацѣпнеть, то мужъ будетъ смирный, и житье счастливое. Садятся также на лошадь, и завязавъ ей глаза, даютъ волю идти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и будетъ дѣвницѣ замужемъ. Русскіе гадали также, подобно Нѣмцамъ, и по ржанью коня⁴. Кромѣ всѣхъ этихъ гаданій по жребію были, вѣроятно,

¹ *Саксо грам.* 826—827.

² *Сефридъ.* 107.

³ *Моршкинъ* въ переводѣ *Рейца*, Истор. Рос. Закоп. 1836. 352. *Сахаровъ*, II, 67. *Снегиревъ*, Рус. празд. II, 43 и 49. Сравни слова *жребіи* и *жребыць* (сл. Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 390).

⁴ «О вѣстахъ истин. и ложъ у *Килайдовича*, Іоаннъ Эвз. Болг. 211.

и многія другія, судя потому, что въ суевѣріяхъ народныхъ осталось очень много способовъ гаданья, и хотя не всё осталось они отъ времени язычества, но все-же многіе не могли имѣть другаго источника.

Очень мало можно сказать о гаданьяхъ, въ которыхъ волю божества хотѣли узнавать не по какому-нибудь жребію, одному изъ двухъ противоположныхъ, а въ положительномъ отвѣтѣ, одномъ изъ многихъ возможныхъ. И они впрочемъ были въ употребленіи у Славянъ. Это видно уже изъ того что, какъ говоритъ Гельмольдъ, жрецъ приносилъ жертву, шилъ кровь ея, чтобы возбудить въ себѣ предсказательную силу¹: для гаданій по жребію это было излишне; при нихъ отъ жреца требовалась не какая-нибудь особенная сила, а знаніе значеній жребія, если только и это знаніе не было общимъ для всего народа,—или участіе при совершеніи обряда для большей увѣренности гадавшихъ, что все дѣлалось по предписаніямъ религіи; здѣсь напротивъ, нуждаясь въ силѣ предсказательной, жрецъ конечно готовился угадывать по такимъ признакамъ, которые могли быть поняты различно, или не поняты совсѣмъ, слѣдовательно не по жребію. Кромѣ этого вывода есть и нѣсколько положительныхъ доказательствъ о существованіи обряда гаданій по предсказаніямъ. Такъ Масуди упоминаетъ, что одинъ изъ храмовъ Славянскихъ былъ славетъ настройками, сдѣланными въ его куногѣ для наблюденій восхожденія солнца, камнями тамъ вставленными, знаками тамъ начертанными и обозначившими будущее, происшествія предсказанныя этими камнями прежде, чѣмъ они случились². Это сходно съ тѣмъ, что читаемъ въ Стоглавѣ: «волхвы и по звѣздамъ и по ланитамъ (планетамъ) глядятъ»,—и вообще есть до сихъ поръ у Славянъ нѣсколько способовъ гаданья по солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ. Несторъ рассказываетъ, какъ волхвы предсказали смерть Олегу:—«Призва Ольгъ волхвы свои и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Они же рѣша: смерть

¹ Гельмольдъ, I, 52. Сравни у Иллариона «жертвенныи крове вкушающе поглабемъ». ib. 236.

² Масуди. 320.

твоя отъ любимаго твоего коня, и пр.»¹ Нѣсколько подобныхъ предсказаній записано лѣтописцами въ позднѣйшее время. О такихъ же предсказаніяхъ говоритъ и Козьма Пражскій: такъ говоритъ онъ, что Любуша была прорицательница, предсказала многое своему народу, и за это выбрана была правительницей; она предсказала и будущее величіе Праги; такъ онъ говоритъ и еще объ одной прорицательницѣ, къ которой обращались съ совѣтомъ, что сдѣлать, чтобы побѣдить непріятеля, и она предсказала побѣду, если исполнена будетъ воля боговъ². Не лзя здѣсь забыть и повѣрья, что кукушка предсказываетъ, сколько кому лѣтъ жить. Оно распространено у всѣхъ Славянъ, и во время языческое имѣло чисто религіозный смыслъ какъ знаемъ изъ хроникки Прокоша, который упоминая о немъ, прибавляетъ, что по понятію язычникомъ, въ эту птицу превращалась богиня жизни Жива³. Правда, что ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не говоритъ о предсказаніяхъ, какъ о религіозномъ обрядѣ; но изъ словъ Гельмольда, приведенныхъ выше, это видно ясно,—и заключеніе, что такіе обряды существовали, не должно, думаю, казаться натянутымъ. Для того-же, чтобы дознаться о характерѣ и формѣ обряда, нужно, за неизмѣнимъ свидѣтельствъ современныхъ, обратить вниманіе на пріемы, употребляемые нынѣшними Славянскими знахарями, ворожеями и колдунами и сравнить ихъ между собою. Къ сожалѣнію это теперь невозможно, потому что мало еще свидѣній собрано объ этомъ любителями народностей.

Говоря о гаданьяхъ, не лзя опустить изъ виду и вопроса: при какихъ случаяхъ онѣ употреблялись, что ими рѣшалось. Разсматривая свидѣтельства, принадлежація къ рѣшенію этого вопроса, замѣчаемъ, что гаданія, въ понятіи язычникомъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія.

¹ *Новгор. Лѣт.* М. 1781. 9.

² *Козьма Праж.* 11, 20, 27.

³ *Прокошъ.* 113.

Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялись, были чтимы тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ, тамъ совершаемымъ: эта сила прорицаній заставила Славянъ уважать особенно Радагаста Ретрсакаго и Святовита Арконскаго, давая жрецу послѣдняго такую важность, что отъ него считали зависящими и народъ и князя. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ сѣмьѣ; въ деревняхъ, на мирской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, — и старожилы еще помнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго¹. О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребіи о дѣвицу себѣ лобу»². Выборъ людей во что-нибудь по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ³. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ божій⁴. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религиозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя, походы и битвы сухопутныя и морскіе: это видимъ мы въ описаніяхъ гаданья конемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ, какъ знаемъ изъ Гельмольда; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ, какъ знаемъ изъ Константина Порфироднаго, Титмара, Нестора и Гельмольда⁵.

¹ Гельмольдъ. I, 21. II, 12.

² Сахаровъ. II, 9—10.

³ Рус. Достоян. III. 186.

⁴ Снегиревъ, Рус. пословицы. III. 217.

⁵ Мацневскій, Hist. prawodawstwa Słow. II. 179—187 Снегиревъ, ib. III. 213—216.

⁶ Гельмольдъ. I, 52. II, 12. Титмаръ. VI, 17. Константинъ Порфиръ 9. Несторъ. 35.

V.

ОБЩІЙ ХОДЪ БОГОСЛУЖБЕННАГО ОБРЯДА. ПИРШЕСТВА И ПИРЩИЦА.

Разсмотрѣвши въ частности формы богослуженія, остается обозрѣть общій ходъ богослуженія и при этомъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя подробности, которыя не могли войти въ предыдущее изслѣдованіе, — между прочимъ на шеры и шгры, обыкновенно слѣдовавшіе за торжественнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія.

Замѣчая, что входъ въ храмъ не былъ запрещенъ только жрецу и желавшимъ приносить жертвы или узнавать волю боговъ, Адамъ Бременскій и Гельмольдъ даютъ, кажется, знать, что приносить жертвы и совершать гаданія можно было всегда, когда только находили нужнымъ'. Изъ описанія жертвоприношеній видно также, что для нихъ не всегда назначалось какое-нибудь особенное время, что, напротивъ, они совершались всегда, когда нужно было благодарить или умилостивлять боговъ, на пр. послѣ битвы, послѣ похода, при погребеніи мертвого и т. д. Впрочемъ хотя эти жертвоприношенія и были совершаемы торжественно, однако, не принадлежатъ къ обрядамъ постояннымъ, ожидаемымъ всѣмъ народомъ, могли не сопровождаться всѣми условіями обрядности. Были и другіе обряды, были религиозныя празднества, — и на нихъ-то надобно обратить вниманіе, чтобъ видѣть ходъ богослуженія.

Такія празднества должны были быть совершаемы въ определенное время, повторяясь въ тѣ-же дни, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Такъ въ определенное время праздновались Коляда и Купало, что продолжается и теперь; такъ праздникъ Яровита и праздникъ Живы приходились въ Маѣ, праздникъ Святовита Арконскаго осенью послѣ жатвы, и пр.'. Очень немудрено, что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святищѣ были свои, и

* Гельмольдъ. I, 83. Адамъ Брем. IV, 47.

* Гизебретъ, ib. I. 85.

что служеніе совершалось довольно часто. Передъ совершеніемъ праздника жрецъ—говорить Гельмольдъ—возвѣщалъ о служеніи божеству, узнавши волю боговъ посредствомъ гаданія. Это замѣчаніе можно понимать различно: жрецъ могъ узнавать волю божества и о времени совершенія обряда, и о составѣ самаго обряда. Возможность втораго смысла доказывается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, гадашемъ не рѣдко опредѣляли, что приносить въ жертву; возможность перваго смысла столь-же очевидна, если вспомнимъ, что празднества повторялись ежегодно въ определенное время, и что слѣдовательно нужно было знаніе жреца, чтобы опредѣлить день праздника на основаніи условій календарныхъ, которыя не могли не существовать во время язычества, оставшіеся въ народѣ, какъ слѣдъ язычества, и до нашего времени. Какъ-бы то ни было, когда время служенія было извѣстно, то народъ собирался къ святилищу, — не одни мужчины, но жены и дѣти, какъ говорятъ Несторъ, Гельмольдъ и Длугошъ*. Молились, приносили жертвы, узнавая прежде волю боговъ о томъ, что должно быть принесено въ жертву, и совершали гаданья о своемъ будущемъ. Первоприсутствующимъ оставался при этихъ обрядахъ жрецъ, какъ совершатель и хранитель таинствъ вѣры: обряды были двухъ родовъ: одни совершались въ святилища, другіе въ самомъ святилищѣ, — и эти послѣдніе въ своемъ составѣ представляются чѣмъ-то въ родѣ молебна, сопровождаемаго пѣніемъ, возношеніями, прорицаніями, увѣщаніями и пр. О всемъ этомъ свидѣтельства современниковъ приведены уже были выше, и изъ нихъ самыя подробныя принадлежатъ Титмару, Гельмольду и Саксону грамматнику. Не нужнымъ считаю повторять ихъ; немогу однако не сдѣлать выписки изъ сказанія Саксона грамматника о праздникѣ Арконскомъ, какъ изъ единственнаго подробнаго описанія всего обряда, тѣмъ болѣе что въ прежнихъ статьяхъ можно было вспоминать о немъ только по частямъ. «Торжественное служеніе Святovidу совершалось—говоритъ Саксо—такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ хра-

* Гельмольдъ. I, 52.

* Несторъ. 34, 39. Гельмольдъ. I, 52. Длугошъ. V, 9.

момъ, приносили жертвы и праздновали именемъ вѣры общественный ширь. Жрецъ, за день передъ тѣмъ, какъ долженъ былъ совершать служеніе, тщательно выметалъ вѣшникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища. На другой день передъ народомъ, собравшимся у вратъ святилища, жрецъ брагъ изъ руки идола рогъ, и если находилъ, что напитокъ въ немъ убыло, то предсказывалъ безплодный годъ, а если напитокъ оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старшій напитокъ къ ногамъ идола, въ возданіе ему; наполнялъ рогъ свѣжимъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству и гражданамъ обогащенія и побѣдъ. Окончивши эту мольбу, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ, и наполнивши опять, клалъ въ руку идолу. Къ этому возношенію принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человека.... Вѣрили, что обрядъ возношенія пирога способствуетъ не только счастью народа, но и обилію слѣдующей жатвы. Потомъ жрецъ приветствовалъ народъ во имя бога, и увѣщивалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая какъ вѣрную награду за богопочтаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. По совершеніи всего этого, оставшая часть дня посвящалась ширнеству, на которомъ потреблялись жертвы, и долгомъ считали объѣдаться, почитая воздержность за стыдъ»¹. Саксо грамматикъ въ этомъ описаніи, забывъ дать мѣсто, принадлежавшее жертвоприношеніямъ, опустить изъ виду и гаданья, которыя совершались во время богослуженія, какъ ясно видно изъ свидѣтельствъ Титмара и Гельмольда. Съ другой стороны описаніемъ двухъ возношеній, какъ имѣвшихъ для язычниковъ важное и таинственное значеніе, онъ заставляеть предполагать, что если при служеніи Святовиду Арконскому были въ употребленіи только эти два, то въ другихъ случаяхъ употреблялись и другіе подобныя, съ

¹ Саксо грам. 824—825.

такимъ-же значеніемъ. Это предположеніе отчасти подтверждается словами Гельмольда, что формы идолопоклонства были у Славянъ разнообразны, равно какъ и ихъ суевѣрія¹.

За совершеніемъ религіознаго обряда слѣдовали общенародныя пиршества: это замѣтили и Гельмольдъ, и Саксо грамматикъ, и жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго². Они совершались у самаго святилища, и при нѣкоторыхъ святилищахъ были особенныя храмы, въ которыхъ шировали люди болѣе знатныя. Такое назначеніе имѣли три континты, находившіяся при Штетинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ были кругомъ сѣдалища и скамьи, и во время шира брались въ нихъ изъ храма чаши, рога для питья, ножи шир³. Принесенныхъ жертвъ было, можетъ быть, иногда не достаточно для накормленія множества народа, а потому приготавлиемы были и собираемы другія яства. Обычай собиранія яствъ въ общенародныя языческіе праздники уцѣлѣлъ и до сихъ поръ, напр. въ колядованьи, щедрованьи, и т. п.⁴ Что эти шеры имѣли религіозный характеръ, видно изъ словъ Саксона грамматика, замѣтившаго что ширъ, бывавшій во время осеняго торжества Аркоискаго, совершался «именемъ вѣрь». По этому-то на нихъ поминали боговъ, или задравныя кубки, о славі божіей, о помощи боговъ спасителей противъ бога зла, о будущемъ счастиі народа. Ясно говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, замѣчая и заклинанія злаго духа⁵. Такъ-же ясно говоритъ и Христопобецъ въ своемъ словѣ: «егда же будетъ у кого ширъ, тогда же кладутъ въ вѣдра и в чашю и тако шют о долѣхъ своихъ⁶». Обычай шить, какъ выражаются Сербы, «здравить» сохранился у Славянъ и теперь, сохранивши отчасти и свое религіозное значеніе.⁷— Къ празднованію шировъ принадлежали пѣсни и музыка, какъ

¹ Гельмольдъ. I, 52, 83.

² Гельмольдъ. I, 52 *Сефридъ*. 105.

³ *Сефридъ*. 105.

⁴ Когда собираютъ яства, хотя отъ дома къ дому.

⁵ Гельмольдъ. I, 52.

⁶ *Востокова Отис*. р. Рум. М. 228.

⁷ В. С. *Караджичъ*, Српске пјесме I. 77 и слѣд. Срав. по этому случаю замѣчанія *Берригарди*, *Jahrbücher für Slaw. Lit.* 1843. 337.

это уцѣлѣло и до сихъ поръ. О такихъ пѣсняхъ и играхъ упоминаютъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ, жизнеописанія св. Оттона и другіе¹.

По окончаніи обѣда, начинались игрища, состоявшія въ пляскѣ, переряживаньи, разныхъ представленіяхъ, бояхъ и т. п. Привожу здѣсь о такихъ игрищахъ, важнѣйшія свидѣтельства, которыя сами собою безъ объясненій показываютъ ихъ характеръ. Объ игрищахъ у Русскихъ язычниковъ говоритъ Несторъ: «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища².» Игрища эти продолжались и по принятіи Христіанской вѣры: «Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ тотъ-же Несторъ: дьяволъ лѣститъ преваблия ны отъ Бога трубами и скоморохи, гуслими и русальи: видимъ бо игрища утолочена и людей много множество, яко ушхати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви»³. Христолюбецъ въ своемъ словѣ убищевасть, что «не подобаетъ крестяномъ игоръ бесовскихъ играти, иже естъ плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идольская»⁴. О тѣхъ-же игрищахъ упоминаетъ Кириллъ Митрополитъ въ правилахъ: «шакы же увѣдѣхомъ, бѣсовская еще държаще обычая треклятыхъ Еллинъ въ божественныя празднигы позоры пѣкаки бѣсовскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и вълемъ съзывающе пѣкы скарѣдныя плянцы и быощеся дрекопѣмъ до самыя смерти и взимающе отъ убиваемыхъ порты»⁵. Лѣтописи говорятъ, что Новгородцы уже въ 1318 году «утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити»⁶. Но языческіе обычая этимъ не кончились: они вездѣ въ Россіи продолжались еще очень долгое время. Такъ Памфилъ, въ посланіи

¹ Востокова, ів. 229.

² Несторъ. 6.

³ Несторъ. 73.

⁴ Востоковъ, ів. 228.

⁵ Рус. Достоинам. I. 114.

⁶ Арцыбашева, Повѣствованіе о Россіи. II. 235. Въ Зальской долигѣ, въ Каринтін, сохраняется отчасти до сихъ поръ странный обычай битъ бочка, какъ принадлежность храмоваго праздника.

къ намѣтнику Псковскому, при описаніи Купальскаго праздника, говоритъ и объ играхъ: «Егда не весь градъ возмается и въ селѣхъ возбѣдется въ бубны и софѣш, и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязнею кличъ, всѣ скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногами ихъ скаканіе и топтаніе»¹. Объ обычаяхъ религиозныхъ игръ у Славянъ Польскихъ упоминаетъ Длугошъ: «Въ честь боговъ—говоритъ онъ—введены игры въ определенное время года. На нихъ толпы обоюго пола изъ деревень сходились въ города, и праздновали эти игры сладострастными, непристойными разговорами и жестами, кривляньями, любовными пѣснями, хлопаньемъ и разными движеніями. И хоть вотъ уже пятьсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Поляки исповѣдуютъ Христіанство, но и доселѣ нѣкоторые изъ этихъ игоръ остались въ обычаяхъ». Объ играхъ, слѣдовавшихъ за религиозными празднествами у Балтійскихъ Славянъ, имѣемъ намекъ у Гельмольда². Подробнѣе говорятъ о нихъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго, рассказывая, что Оттонъ, въ своемъ путешествіи близъ Пирица встрѣтился съ толпою народа, торжествовавшей какое-то языческое празднество играми, пѣснями, сладострастными движеніями и сильнымъ крикомъ, изумившимъ путниковъ. Тамъ-же находимъ воспоминаніе о празднествѣ Юлиискомъ въ честь какого-то бога, объ играхъ и пляскахъ, его сопровождавшихъ по обычаю язычества, и т. п.³ О подобныхъ играхъ у Чеховъ, называемыхъ ими вообще «радованками», вспоминаетъ Козьма Пражскій, рассказывая, что онѣ совершались и въ честь усопшихъ⁴.

Совершать празднества въ честь усопшихъ было въ обычаяхъ не у однихъ Чеховъ, а у всѣхъ Славянъ, оставаясь отчасти и доселѣ. Обрядъ погребальный, видимо, былъ также богослу-

¹ Карамзинъ. И. Г. Р. VII. пр. 372.

² Длугошъ. V, 9.

³ Гельмольдъ. I, 52.

⁴ Вертольдъ, Geschichte d. Rügen und Pommern. I, 566. II, 35.

⁵ Козьма Пражскій. 21.

жебнымъ обрядомъ, сопровождавшимся молитвами и жертвоприношениями, въ томъ-же родѣ какъ служенія послѣ битвы или войны, когда поминаемы были души павшихъ въ боѣ. Опираясь на вѣрованіи въ безсмертіе души, онъ былъ совершаемъ также весело и разнообразно, какъ и всякое другое религиозное празднество. Иорнандъ рассказываетъ, что «по смерти Атиллы, рыцари его производили конныя ристанія вокругъ гроба, какъ въ циркѣ, и воспѣвали въ пѣсняхъ его подвиги; потомъ на его гробѣ праздновали большую «страву», какъ называютъ эти народы пирь, совершаемый въ такихъ случаяхъ, соединяя съ печалью радость»¹. Слово «страва» и до сихъ поръ извѣстно въ этомъ смыслѣ многимъ Славянамъ². Теофилактъ, описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная, замѣтилъ, что онъ попалъ на князя Мусокія въ расцлохъ, въ то время, когда князь этотъ, празднуя помины по своему братѣ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями³. О тризнѣ по усоншимъ у Русскихъ поминаетъ Несторъ, говоря между прочимъ, что, совершая тризну по князѣ своемъ Магѣ, Древляне пили. Слово «тризна» въ смыслѣ поминовенія усоншихъ употребляется въ одномъ Старорусскомъ, да еще у Вацерада въ его Чешскихъ глоссахъ⁴. Коренной смыслъ этого слова былъ другой: «тризна» значило бой, поединокъ, «тризнице» — мѣсто боя, а «тризникъ» — подвижникъ; «тризнити» въ Чешскомъ значитъ бить, а «тризновати» не только бить, но и насмѣхаться; въ Словацкомъ «трузнитися=тризнитися» — веселиться, играть⁵. Соображая всѣ эти значенія, можемъ заключить, что въ старину тризной называлось празднество, соединенное съ военными потѣхами. Съ тризной можно слѣдовательно сравнить русскую «радуницу» (видимо, отъ корня рад-уюсь), названіе праздника поминокъ, который состоитъ доселѣ во многихъ мѣстахъ Россіи не только въ трапезѣ памогильной,

¹ Иорнандъ, De Getharum origine et rebus gestis. 49.

² Линде, Słownik. III. 431—432.

³ Теофилактъ у Стриттера, Met. pop. II, 61.

⁴ Добровскій, Грам. Слав. I, 158. Вацерада. 228

⁵ Несторъ б, 24, 29: тризна=тризно. Юнгманъ, Słownik. IV. 664.

но и въ играхъ'. Такъ и въ Бѣлой Руси сначала ѣдятъ и пьютъ на могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ'. У Поляковъ погребальныи и поминальныи ширъ называется «stupa» (сред. Лат. stips): онъ соединяется также съ пѣснями и играми. Было время, что его принадлежностію бывали и поединки, какъ замѣчаетъ Старовольскіи: «Widziałem wiele razy pogrzeby krwi oblane, z których zaraz po obiedzie wysyłano za umarłym drugiego zabitego do nieba, aby oznajmil, co za ludzie na stypie byli»¹. У Чеховъ также, по введеніи Христіанства, были въ обычаѣ какія-то представленія, которыя—какъ говоритъ Козьма Пражскіи—совершались на перекресткахъ, какъ-бы для успокоенія душъ, и игрища надъ мертвыми, во время которыхъ перерживались и всячески бѣспись². У Хорутанъ до недавняго времени сохранялся обычай шровать надъ мертвыми, ѣсть, пить, веселиться, пѣть пѣсни и пр.³.—Ограничиваюсь этими указаніями, имѣя въ виду только показать, что характеръ богослужебныхъ обрядовъ и общихъ, и совершавшихся по какоку-нибудь особенному случаю, оставался постоянно одинъ и тотъ же: они всегда выражали то-же вѣрованіе въ благость боговъ, ту-же надежду на ихъ милость—и въ жизни и за гробомъ.

¹ *Снегиревъ*, Рус. праздни. III, 47—54.

² *Голембевскій*, Lud polski. 269.

³ *Линде*. V. 456.

⁴ *Козьма Пражскій*. 197.

⁵ *Вальвазоръ*, Die Ehre des N. Krain Laibach. 1689. II. 287—394.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая мой опытъ, представляю въ общемъ перечнѣ главныхъ положеній, къ которымъ доводитъ частный разборъ свидѣтельствъ современныхъ и преданій касательно основаній и принадлежностей языческаго богослуженія древнихъ Славянъ.

I. Сравнивая свидѣтельства современныхъ и преданій о языческомъ богослуженіи Славянъ, замѣчаемъ, что всѣ они, къ какимъ-бы Славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противурѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одни другихъ взаимно. Изъ этого можно заключить, что главныя основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ Славянъ были одни и тѣ-же. Не мудрено, что были и мѣстныя особенности, что и время со своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія; но главныя черты его оставались всюду неизмѣнными.

II. Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ Славянъ были положительныя догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощію однихъ догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь

известны, нельзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: надобно выкинуть и въ ихъ соотношенія съ частными мѣрами, правилами нравственности, знаніями и понятіями древнихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи мѣологии Славянъ и изысканій объ образованности Славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться нельзя, а изъ того, что уцѣлѣло отъ времени язычества въ народѣ, известно въ этомъ отношеніи еще очень немногое.

III. Святѣлищами богослуженія языческихъ Славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горные и лѣсные, городища и—храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ; храмы—исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали и мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что храмы были только въ тѣхъ земляхъ Славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.

IV. Жрецы, нося по роду своихъ занятій различныя названія, и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управленіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Нельзя сомнѣваться, что со временемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ Славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя, —къѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, —какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни сѣмейной,—какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.

V. Язычникъ Славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ—славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жерт-

воприношеніи выражать чувства преданности къ нимъ, — молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, что ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, — разгадывать волю боговъ, обрядомъ гаданій узнавать, что дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ, молитвы жертвоприношенія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.

Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнялись участниками обряда, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шопотомъ; а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсень и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе не возможно безъ подробностей о повѣрьяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсень, между которыми таятся и многія молитвы языческаго времени.

Жертвоприношенія были — или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, — или собственно жертвы закланія и сожженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ первымъ соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества; со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ грѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли и по содержанію, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвоприношенія.

Гаданія, помощію жребія и объясненія божественныхъ пророчаній, замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые посвящены были въ тайну пророчанія воли божества, и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначинаніяхъ частныхъ и общественныхъ. Рисую древнихъ Славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляютъ предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣрїями, но не состоявшими изъ нихъ однихъ.

Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ нихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ совре-

меньших; изъ того-же, что до сихъ поръ знаемъ о нихъ изъ повѣрій народныхъ, трудно рѣшить, какія онѣ были и въ чемъ заключались.

За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пищество, сопровождаемое разнаго рода играми—пляской, пѣснями, борьбой, и пр.

VI. Были особенные дни, посвященные богослужебнымъ торжествамъ, каждагодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднисть Славянскихъ сохранилось много давнихъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительное описаніе не возможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.

2007098069